

Ян Яцек Бруски

Большой голод на Украине в свете документов польской дипломатии и разведки¹

Искусственно вызванная трагедия голода в 1932-1933 годах – это несомненно крупнейшая в коллективном сознании украинцев, хотя и до некоторой степени вытесненная из него травма. Результаты данного катаклизма, усиленные последующими массовыми репрессиями, можно сравнить с еврейской Катастрофой. Именно так поступают многие авторы, пишущие об «украинском Холокосте». Несмотря на то, что спор о точном количестве жертв все еще продолжается, исследователи единодушны в том, что оно было не менее 3 млн. Максимальные расчеты выше более чем в два раза². Идет также дискуссия вокруг причин, которые привели к гуманитарной катастрофе на Украине. Была ли она как бы «побочным продуктом» безумной сельскохозяйственной политики больше-

¹ Использованные в нижеследующем тексте материалы собраны в ходе архивных и библиотечных изысканий, проведенных благодаря Национальной выездной стипендии Фонда поддержки польской науки, Стипендии им. Адама Кшижановского, назначаемой Ягеллонским университетом, а также Стипендии Фонда им. Яна и Сюзанн Бженковских (Польская библиотека в Париже). Автор пользуется случаем выразить глубокую благодарность названным учреждениям за поддержку.

² Ср.: *Голод 1932-1933 років в Україні: причини та наслідки* / Відпов. ред. В. М. Литвин. – Київ, 2003. – С. 478-537; глава, написанная Станиславом Кульчицким. Данный автор широко представляет нынешнее состояние исследований, которые он подвергает критическому анализу и частично пересматривает. По его мнению, количество жертв Большого голода на Украине следует определять в 3-4,5 млн. человек.

виков или провоцировалась намеренно? А если истинно второе предположение, шла ли речь прежде всего о том, чтобы ударить по украинскому крестьянству как по «классовому врагу» или как по социальному слою, являвшемуся опорой национального движения, опасных для Советов сепаратистских тенденций? А может быть мы имеем дело с сочетанием данных мотивов?

Историкам не удалось до сих пор дать окончательный ответ на эти главные вопросы. Тем не менее, продолжается исследовательская работа, приближающая нас к познанию правды о Большом голоде³. Ее продвижение в значительной мере зависит от обнаружения и введения в научный обиход новых архивных документов. В последние годы в этой области сделано действительно много, доказательством чего является ряд ценных источниковедческих публикаций. Среди них как неизвестные до сих пор документы, иллюстрирующие действия высших советских властей, ответственных за возникновение украинской трагедии⁴, так и свидетельства очевидцев – жертв голода⁵. Отдельную, необычайно интересную категорию источников представляют собой материалы иностранного происхождения – созданные дипломатическими и разведывательными службами государств, имевших свои дипломатические представительства на территории СССР. Сейчас мы располагаем уже изданиями немецких, итальянских и

³ Обобщающий обзор исследовательских позиций и попытку новой интерпретации Большого голода мы можем найти в новейшей статье итальянского автора Андреа Грациози. См.: А. Граціозі. *Голод у СРСР 1931-1933 рр. та український голодомор: чи можлива нова інтерпретація?* // Український історичний журнал. – 2005. – Ч. 3. – С. 120-131. Следует также обратить внимание на прекрасную работу Терри Мартина «*The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*» (Ithaca-London 2001, p. 273-308). В польской литературе см.: R. Kuśnierz, *Ukraina w latach kolektywizacji i Wielkiego Głodu (1929-1933)*, Toruń 2005, s. 195-198.

⁴ См.: *Командири великого голоду: Поїздки В. Молотова і Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ. 1932-1933 рр.* // За ред. В. Василюва, Ю. Шаповала. – Київ, 2001.

⁵ Среди многих публикаций следует назвать, напр., *Український голокост. Свідчення тих, хто вижив.* – Т. 1-2 // Упоряд. Ю. Мищик. – Київ, 2003-2004.

британских документов, появились также исследования, опирающиеся на изыскания в американских и французских архивах⁶. Но до сих пор предметом интереса исследователей не были очень богатые польские архивные документы 1932-1933 гг. Задачей данного текста является восполнение этого пробела и ответ на вопрос: какой информацией о событиях, происходивших на Украине, располагали высокие доверенные лица, формировавшие политику II Польской Республики⁷?

*

Следовало бы начать с несколько банальной констатации: отношения с Советской Россией, а затем с СССР имели ключевое значение для возрожденного в 1918 г. польского государства, можно даже сказать, что они определяли всю его внешнюю политику. Сферой особого польского интереса и одновременно полем ожесточенного, происходившего во многих областях соперничества между Варшавой и Москвой, была Украина. Такое положение приводило к тому, что для

⁶ *The Foreign Office and the Famine. British Documents on Ukraine and the Great Famine of 1932-1933*, Kingston, Ontario - Vestal, New York 1988; D. Zlepko, *Der ukrainische Hunger-Holocaust. Stalins verschwiegener Völkermord 1932/33 an 7 Millionen ukrainischen Bauern im Spiegel geheimgehaltener Akten des deutschen Auswärtigen Amtes. Eine Dokumentation*, Sonnenbühl 1988; A. Graziosi, *Lettere da Kharkov. La carestia in Ucraina e nel Caucaso del Nord nei rapporti dei diplomatici italiani, 1932-33*, Torino 1991; idem, „Lettres de Kharkov”. *La famine en Ukraine et dans le Caucase du Nord à travers les rapports des diplomates italiens, 1932-1934* // „Cahiers du Monde Russe et Soviétique” 1989, no. 1-2, p. 5-106; M. Wayne Morris, *Stalin's Famine and Roosevelt's Recognition of Russia*, Lanham-New York-London 1994; *Famine-Genocide in Ukraine, 1932-1933. Western Archives, Testimonies and New Research*, ed. W. W. Isajiw, Toronto 2003; É. Thévenin, *France, Allemagne et Autriche face à la famine de 1932-1933 en Ukraine*, http://colley.co.uk/garethjones/james_mace.htm. Ср. также: *Investigation of the Ukrainian Famine. Report to Congress Commission on the Ukraine Famine. Adopted by the Commission April 19, 1988, Submitted to Congress April 22, 1988*, Washington 1988.

⁷ Отдельным вопросом остается анализ позиции польских властей по отношению к сведениям, поступавшим с Украины. Эту проблему автор рассматривает в обширном тексте, который появится в юбилейной книге проф. Богдана Осадчука, сданной в печать в издательстве Университета им. Марии Кюри-Скłodовской в Люблине.

работы на территории Советского Союза – и УССР в особенности – направлялись дипломаты, имевшие исключительную квалификацию и опыт. Их работу координировало Посольство РП в Москве, во главе которого, начиная с 1926 г., стояли поочередно двое доверенных сторонников Ю. Пилсудского: до 1932 г. Станислав Патек, бывший министр иностранных дел и польский посланник в Японии, а затем Юлиуш Лукасевич, выдающийся дипломат, который ранее, в частности, работал посланником в Праге и Вене, а также руководил Восточным отделом польского МИДа⁸.

Московское диппредставительство было для Варшавы важнейшим источником достоверных и компетентных сведений на тему событий в СССР. При этом речь идет не только об информации о политическом, но также об экономическом положении Советов, за которым наблюдало Бюро торгового советника, которым руководил в интересующий нас период хороший знаток экономических проблем Антони Жмигродски. Большую ценность имели, кроме того, отчеты, присылаемые в Варшаву Военным атташе РП в Москве. Эти функции исполнял в 1929-1933 гг. проницательный наблюдатель советской действительности, один из способнейших офицеров II Отдела Главного штаба, дипломированный майор (позднее подполковник) Ян Ковалевски⁹.

Тем не менее, принципиальное значение имела отчетная деятельность двух польских представительств на территории самой Украины – Генерального Консульства в Харькове и Консульства в Киеве. Более развитой консульской сетью на этой территории располагали лишь немцы, которые по праву

⁸ О миссии Патека и Лукасевича в Москве мы можем найти информацию в обширном очерке Марка Корната *Posłowie i ambasadorzy polscy w Związku Sowieckim (1921-1939 i 1941-1943)* // „Polski Przegląd Dyplomatyczny”, 2004, nr 5.

⁹ Шире на тему этой фигуры и ее деятельности в московском представительстве см.: J. J. Bruski, *Sowieckie przygotowania wojenne w 1930 r. w ocenie attaché wojskowego RP w Moskwie* // „Arcana”, 2006, nr 2(68), s. 140-150. Ковалевски покинул СССР в феврале 1933 г., с тех пор его обязанности временно исполнял заместитель атташе дипломированный капитан Владыслав Харланд.

считались наиболее информированными дипломатами в Советском Союзе¹⁰. В 1932-1933 гг. харьковским представительством руководили поочередно два опытных чиновника: вначале советник Адам Стебловски, пребывавший с конца 1928 г. в столице УССР, а позднее – с мая 1932 г. – Ян Каршо-Седлевски. Последнему также были не чужды украинские проблемы, с которыми он сталкивался ранее, в частности, как советник польского представительства в Праге. Руководство консульскими делами в Киеве с сентября 1930 г. уже находилось в руках Хенрыка Янковского, бывшего шефа Генерального Консульства РП в Минске, прекрасно знавшего советскую территорию. Во второй половине 1932 г. его обязанности фактически взял на себя вице-консул Петр Куницки, которому мы обязаны рядом важных донесений на тему голодной катастрофы на Украине. Следует подчеркнуть, что начальник Восточного отдела МИДа высоко оценивал его как человека, который «особенно хорошо знает национальные проблемы Советской России»¹¹. В период особого усиления голода, то есть накануне жатвы 1933 г., новым руководителем Консульства был назначен Станислав Сосницки. Этот бывший военный, офицер действительной службы, который только что перешел на дипломатическую работу, оказался также хорошим наблюдателем. Он снабжал центр ценными отчетами о положении на Украине во второй половине 1933 г.

Говоря об информационной деятельности польских представительств, невозможно обойти вниманием роль разведки. Советский Союз был в этом смысле территорией особой. В условиях репрессивного режима, который явно ужесточился на рубеже двадцатых и тридцатых годов, здесь практически

¹⁰ Немцы содержали на территории Украины три представительства: генеральное консульство в Харькове и консульства в Киеве и Одессе. Хорошо информированы были также итальянцы, располагавшие консульством в Одессе и вице-консульством в Харькове, а кроме того, представительством в Новороссийске, передававшим, в частности, данные на тему положения украинского населения на Кубани.

¹¹ Archiwum Akt Nowych w Warszawie [далее: AAN], Prezydium Rady Ministrów, cz. VIII, sygn. 247: Karta kwalifikacyjna Kurnickiego (opinia T. Schätzla z 11 VII 1932), k. 104.

невозможно было завербовать и содержать внешнюю агентуру. В этой ситуации роль разведывательных филиалов в серьезной степени взяли на себя консульские представительства. Значительную часть их персонала – не исключая руководителей консульств – составляли штатные функционеры или сотрудники разведки¹². Они параллельно подчинялись МИДУ и II Отделу Главного штаба, от которого их деятельностью руководил шеф Сектора «Восток» Разведывательного департамента, знаток украинского вопроса, поручик Ежи Незбжицки¹³. Эта зависимость приводила к тому, что в работе польских представительств в СССР, а в особенности на Украине, трудно однозначно отделить друг от друга сферу дипконсульской и сферу разведывательной деятельности. Впрочем, это было бы искусственное разделение, учитывая, что обе вертикали – разведка и официальная дипломатия – по сути представляли собой два равноправных канала, которые Юзеф Пилсудски и его ближайшие сотрудники использовали для реализации целей польской политики на Востоке. Единству действия этих вертикалей (хотя и случались, конечно, различные трения, иногда проявлялась неприязнь), несомненно, способствовали сильные личные связи – не только на уровне консульской службы. Лучшим примером может служить личность полковника Тадеуша Шетцеля, в 1930-1935 гг. начальника Восточного Отдела МИДа, который ранее был шефом польской разведки.

Наиболее точные данные, поступавшие с Украины, естественным образом касались больших городских центров, где

¹² В Киеве (центр «N») в 1932-1933 гг. сотрудниками польской разведки были, в частности, консул Станислав Сосницки, вице-консул Петр Курницки (пункт «Ки»), секретарь консульства Луциан Гжицки (пункт «L.11»), а также функционеры: Мария Полоньска (пункт «Z.14») и – с середины 1933 г. шеф центра – Владыслав Миткевич (пункт «В.18»). В Харькове (центр «O») с разведкой тесно сотрудничали руководители Генерального Консульства: Адам Стебловски (пункт «Z») и Ян Каршо-Седлевски (пункт «Karsz»), а также функционеры: Здзислав Милошевски (пункт «M.13») вместе с женой (вспомогательный пункт «H.23») и Юзефина Писарчикувна (пункт «X.22»).

¹³ Впоследствии более известен как советолог и публицист, печатавшийся под псевдонимом Рышард Врага.

были расположены польские консульства, т. е. Киева и Харькова. Сведения о положении в других городах и украинской провинции были получаемы прежде всего во время периодических объездов консульских округов и других служебных поездок, которые всегда тщательно использовались для наблюдения за территорией. Чаще всего поездки совершались на автомобиле¹⁴, хотя целям наблюдения могли также служить поездки по железной дороге и иногда даже авиаперелеты¹⁵. Другим важным источником информации были – до поры до времени – посетители консульств. Определенную роль играл также обмен информацией с другими иностранными дипломатами, особенно с представителями Италии и Германии – государств, имевших собственные представительства на Украине¹⁶. Данные, полученные по названным каналам, попадали к польским властям в форме отчетов или их копий, пересылаемых согласно меняющемуся, зачастую довольно обширному списку, в котором учитывались, кроме Главного штаба и различных отделов МИДа, в частности, такие учреждения, как Министерство промышленности и торговли и Министер-

¹⁴ Сотрудники консульств совершали регулярные поездки по территории, хотя – надо признать – это требовало большой самоотверженности. Достать какую-либо карту было невозможно, а тогдашние дороги находились в плачевном состоянии. В случае небольших осадков даже главные из них, такие, как шоссе Харьков-Полтава (представлявшее собой часть трассы из Харькова до Киева), становились непроезжими. Ср.: *Centralne Archiwum Wojskowe w Warszawie* [dalej: CAW], sygn. I.303.4.3043: *Raport J. Karszy-Siedlewskiego*, Charków, 29 VIII 1932, k. 119.

¹⁵ Такой способ передвижения использовался для наблюдения за большими пространствами, например, для оценки состояния полей и стадий сельскохозяйственных работ. См. там же: *Raport J. Karszy-Siedlewskiego na temat lotu do Odessy, Charków*, 6 X 1932, k. 143-147.

¹⁶ Ср. там же: *Raport A. Stebłowskiego*, Charków, 21 V 1932, k. 181; AAN, zespół: *Attaché wojskowy przy Poselstwie RP w Moskwie* [далее: AWM], sygn. 94: Ppłk. dupl. J. Kowalewski do szefa Oddziału II Sztabu Głównego, Moskwa, 24 I 1933, k. 81-83. Следы информации, передаваемой иностранным дипломатам польской стороной, можно найти, напр., в отчетах посла Италии в Москве Бернардо Аттолико от 7.IV.1933 г. (*A. Graziosi, Lettere da Kharkov...*, doc. 30, p. 154) и итальянского консула в Харькове Серджио Градениго от 6.I и 16.VIII.1933 (*ibidem*, doc. 25, p. 137; doc. 43, p. 202), а также отчете британского *chargé d'affaires* в Москве Уильяма Стренга министру иностранных дел Великобритании Джону Саймону от 26.IX.1933 г. (*The Foreign Office and the Famine...*, doc. 50, p. 312-313).

ство сельского хозяйства, Государственный экспортный институт или управления воеводств во Львове и Луцке. Особо важные документы входили в более широкий обиход благодаря их публикации в секретном (издавался тиражом несколько десятков пронумерованных экземпляров) бюллетене *Polska a Zagranica* (Польша и заграница)¹⁷. Влияние на восприятие польскими элитами событий в СССР имел, кроме того, несколько более широко распространяемый *Biuletyn Wschodni Ministerstwa Spraw Zagranicznych* («Восточный бюллетень Министерства иностранных дел»). К сожалению, это периодическое издание перестало выходить во второй половине 1932 г.

Какая картина возникает из найденных документов? Несомненно, нас не удивляет тот факт, что польские наблюдатели с большим вниманием отслеживали случаи, связанные с т. н. «сталинской революцией», прежде всего с кампанией, нацеленной против советской деревни. В отчетах из СССР мы находим ряд данных на тему акций «раскулачивания» и принудительной коллективизации. Много места в польских донесениях занимают сведения о репрессиях в деревне, в особенности о нечеловеческих условиях, в которых происходит депортация якобы «кулаков», являющаяся по сути, как писал торговый советник Посольства РП в Москве, формой уничтожения, «массовой казни нежелательных для советской власти элементов»¹⁸. Широко описывались также всяческие проявления крестьянского протеста против новой сельскохозяйственной политики. Уже на рубеже 1929 и 1930 гг. польским дипломатам было ясно, что в европейской части СССР очаги наиболее ожесточенного сопротивления находятся на территории Украины и Северного Кавказа, в значительной степени населенного также этническими украинцами. Из перспективы

¹⁷ Этот бюллетень получали начальники всех отделов МИДа, руководители польских дипломатических представительств, шеф II Отдела Главного штаба, а также канцелярии президента и премьера Республики. Анализ этого издания позволяет сегодня воспроизвести некоторые не сохранившиеся в оригинале отчеты.

¹⁸ AAN, Ambasada RP w Moskwie, sygn. 48: Raport dla Departamentu Handlowego Ministerstwa Przemysłu i Handlu z 18 III 1930, k. 394.

около десяти лет – в феврале 1939 г. – очень точно это явление комментировал тогдашний посол РП в Москве Вацлав Гжибовски: «Отрицательное отношение крестьянских масс к колхозам – хотя и повсеместное – не везде проявляется с одинаковой силой. Оно, если можно так выразиться, прямо пропорционально плодородности почвы и пользе, которую из нее извлекало местное население. На большей части черноземной зоны, где работа на земле всегда являлась основой существования, крестьянские массы гораздо сильнее почувствовали ухудшение жизни вследствие перехода к коллективному строю, чем в других районах, и там потенциал неприятия института колхозов по-прежнему велик. Это касается в особенности Украины, Дона и Северного Кавказа, где до сих пор полностью не закончился процесс выселения ненадежных элементов. Центральная Россия, где сельскохозяйственный труд лишь отчасти удовлетворял жизненные потребности населения, а главным источником заработка была промышленность (заводская и надомная), гораздо легче соглашается с нынешним аграрным строем. Большое влияние здесь оказывают также психологические различия и местные обычаи. Для пассивного по природе великоросса, издавна сжившегося с «земельной общиной», коллектив не является таким контрастом, как для малоросса или казака, жизнь и психика которых формировались несколько в других условиях. Именно эти моменты объясняют тот факт, что сопротивление со стороны населения во время введения коллективизации на юге России было гораздо большим, чем в ее центральных районах. Поэтому советская власть в первую очередь опирается на великорусский элемент – как на более лояльный»¹⁹.

Польские дипломаты отмечали разные негативные явления, которыми сопровождалась принудительная коллективизация. «...Параллельно началось, – сообщал в марте 1930 г. военный атташе РП в Москве майор Ковалевски, – дезертир-

¹⁹ AAN, Prezydium Rady Ministrów. Cz. IX, sygn. 970 (mf. 27030): Raport W. Grzybowskiego *Ogólne uwagi o wynikach 2-ich pięcioletek w rolnictwie ZSRR z 13 II 1939*, k. 580-581.

ское движение. Польша и Румыния стали землей обетованной для приграничного населения. Это движение еще сдерживает зима и усиленная охрана границы СССР. Но весной на польскую границу должны прийти тысячи людей, немцы-колонисты, поляки, украинцы и русские. [...] Наши консульства полны посетителей, молящих о выезде в Польшу»²⁰. Следует добавить, что польские отчеты 1929-1930 гг. содержат целый ряд сведений на тему миграции населения, в том числе попыток организованного выезда из СССР целых этнических и религиозных групп – таких, как сибирские меннониты или шведские колонисты с Украины.

В рассматриваемых документах мы находим ряд точных, хотя и формулируемых в срочном порядке прогнозов. Осенью 1930 г. уже в то время подполковник Ковалевски отмечал, например, что сельскохозяйственная политика большевиков – репрессии в отношении крестьянства и ликвидация экономических стимулов, способных служить росту производства, – неизбежно должна вести к кризису. Ее следствием будет погружение обедневшей деревни в апатию и постепенное уменьшение площадей обрабатываемой земли. «Результаты коллективизации, – писал Ковалевски, – обнаружатся [...] лишь в 1931 и 1932 гг., по всей вероятности, они будут негативными»²¹. Справедливость такого мнения подтверждали следующие периодически поступавшие в варшавский центр донесения польских учреждений из СССР. Узкие рамки статьи не позволяют рассмотреть их подробно. Тем не менее, следовало бы обратить внимание на своего рода итог продолжавшегося более двух лет наблюдения за советским экспериментом. Этот итог представлял собой проницательный анализ, появившийся летом 1932 г. на страницах «Восточного бюллетеня Министерства иностранных дел». «Весенняя посевная кампания 1931 г., – писал автор, – прошла действительно довольно успеш-

²⁰ AAN, AWM, sygn. 92: Mjr dypl. J. Kowalewski do szefa Oddziału II Sztabu Głównego, Moskwa, 18 III 1930, k. 221.

²¹ *Ibidem*: Raport ekonomiczny ppłk. dypl. J. Kowalewskiego, [przełom października i listopada 1930], k. 411.

но, но, когда подошел сбор урожая, начали распространяться явления, которые поставили под сомнение справедливость существовавшего ранее тезиса о решении зерновой проблемы механически, путем коллективизации. Коллективизированные крестьяне почти повсюду пытались собрать и поделить между собой тот хлеб, который им был нужен для собственного пропитания. Неоднократно имели место случаи разворовывания хлеба еще в снопах и припрятывания зерна в спекулятивных целях. Остальная часть урожая, а именно то, что должно было быть отдано власти в качестве платы по обязательствам и на т. н. „хлебозаготовки“ [принудительная продажа зерна государству. – Я. Я. Б.], уже мало интересовала крестьян. Такой сбор урожая они рассматривали как своего рода принудительные работы. При благоприятных условиях проводили жатву. Однако неоднократно целые поля оставались с хлебом на корню или хлеб гнил перед транспортировкой»²².

Разразившийся голод на Украине, где безумная сельскохозяйственная политика приобрела особенно жестокие формы, не мог быть неожиданностью для авторов польских отчетов. Они систематически сообщали о приближающейся катастрофе. В ее основе лежало предъявление чрезмерного, совершенно не считавшегося с реальностью – прежде всего с плохими итогами жатвы – плана хлебозаготовок, который должна была выполнить Украина до конца 1931 г. Чтобы достичь поставленной цели, власти применили средства жесточайшего принуждения. «Нигде больше, кроме одного Северного Кавказа, „хлебозаготовки“ не проводились с такой жестокостью и не представляли собой, собственно говоря, фактической конфискации почти всей сельскохозяйственной продукции», – из перспективы времени оценивал шеф польского Генерального Консульства в Харькове Ян Каршо-Седлевски. Такие методы наталкивались на сопротивление даже в кругах местной администрации. «Многочисленные предупреждения и

²² *Nowa polityka wiejska* // „Biuletyn Wschodni Ministerstwa Spraw Zagranicznych”, nr 21, sierpień 1932, s. 3.

протесты местных функционеров были [однако] совершенно безрезультатными, поскольку центральная власть во имя общегосударственных интересов и потребностей продолжала неумолимую политику разорения украинской деревни. Всякое непослушание распоряжениям центральной власти и даже их критика со стороны местной администрации [...] были безжалостно наказуемы и определялись как подверженность влиянию кулацкой идеологии»²³. Ответом на проявления протеста стала «чистка», проведенная в конце 1931 г.: «Уволены с занимаемых должностей, исключены из партии и привлечены к судебной ответственности сотни низших и высших чиновников из управлений коллективного и государственного сельского хозяйства»²⁴. Драконовские методы не помогли реализовать нереальный план. Даже его частичное выполнение, однако, привело, как писал польский торговый советник в Москве Антони Жмигородски, к «чрезмерному выкачиванию хлеба из украинской деревни»²⁵.

Пожалуй, первым из польских наблюдателей серьезность положения заметил глава Генерального Консульства в Харькове Стебловски. В отчете, датированном началом февраля 1932 г., он писал: «Различные побочные сведения без всякого сомнения идут в направлении представления положения в деревне и положения с продовольствием как очень серьезного и обостряющегося – грозящего возможной нехваткой хлеба»²⁶. Данные на тему углубляющегося кризиса позволила проверить поездка по Украине, которую Стебловски совершил в конце апреля 1932 г. совместно с советником Жмигородским. Последний представил свои наблюдения в обширном отчете

²³ AAN, Ambasada RP w Moskwie, sygn. 45: *Kwestia narodowościowa na Ukrainie Sowieckiej według stanu na 1.V.1933 r.*, referat J. Karszy-Siedlewskiego na Zjazd Konsularny w Moskwie, 8 V 1933, k. 73 (см. док. 3 в «Приложении» к настоящей статье).

²⁴ *Kolektywizacja sowieckiego rolnictwa* // „Biuletyn Wschodni Ministerstwa Spraw Zagranicznych” nr 19, styczeń 1932, s. 4.

²⁵ CAW, sygn. I.303.4.3043: A. Żmigrodzki do Departamentu Handlowego Ministerstwa Przemysłu i Handlu, Moskwa, 7 V 1932, k. 127.

²⁶ *Ibidem*, Raport A. Stebłowskiego, Charków, 1 II 1932, k. 82.

Министерству промышленности и торговли. Приведенные факты явно свидетельствовали о том, что украинская деревня стоит на пороге катастрофы, польский дипломат, однако, как представляется, боялся ставить точку над «і». В связи с этим он сообщал об «ограничении потребления, близком к состоянию голода», о возможном «частичном голоде» на Украине²⁷. Он также писал своему руководству: «здесь распространяются самые дикие сплетни и версии, например, о брошенных на рынках детях и даже случаях людоедства. Это, конечно, бредни, но сам факт их возникновения дает представление о напряженной и ненормальной атмосфере, в которой такие слухи могут рождаться»²⁸. Подобных сомнений не имели руководители польских представительств на Украине. «С каждым днем, – рапортовал консул Янковски из Киева, – я получаю все больше сведений о голоде на Правобережье, который особенно ощутим в провинции. По последним донесениям, в таких местечках, как Винница, Умань, почти ежедневно можно отметить случаи, когда с улиц забирают людей, которые падают от слабости и истощения. Еще хуже должно быть положение в деревне, где, согласно информации из достоверного источника, разбой и убийства на почве голода стали обычным явлением. Ощутимую нехватку продовольствия можно уже заметить не только у т. н. „единоличников“ (единоличные сельскохозяйственные производства), которые уже давно питаются картофельными очистками, желудями и т. п., но даже в коллективах»²⁹. Эти сведения подтверждал советник Стебловски: «Случайные информаторы утверждают, что в селах повсюду господствует голод и есть села, в которых съедено уже все, даже собаки и кошки. Из пригородных

²⁷ *Ibidem*, A. Żmigrodzki do Departamentu Handlowego Ministerstwa Przemysłu i Handlu, Moskwa, 7 V 1932, k. 127, 128.

²⁸ А в другом месте: «Следующий факт. В одну из маслобоен на Украине, перерабатывавшую семена подсолнечника, приходили крестьяне с просьбой дать им жмых. Мой информатор утверждал, что речь шла не о корме для животных, а о пище для людей. Мне это кажется просто невероятным, и, если бы информатор не был столь серьезным человеком, я не сообщил бы об этом в отчете». *Ibidem*, k. 129.

²⁹ *Ibidem*, H. Jankowski do posła RP w Moskwie, Kijów, 11 V 1932, k. 64.

окрестностей крестьяне приезжают в город, где хлеб есть и, несмотря на очень высокую цену, его, однако, можно приобрести, хотя и не всегда. В деревнях же, расположенных дальше от городов, голод, говорят, огромный и всеобщий. Люди пухнут и лежат совершенно без сил»³⁰.

В сообщении Стебловского появляется мотив, который затронул в своем отчете также торговый советник посольства. Речь идет о т. н. *мешочничестве*, т. е. о передвижении крестьян в поисках хлеба. «Заводские рабочие рассказывают, – сообщил Жмигродски в мае 1932 г., – что крестьяне массово появляются в заводских районах с просьбой о пропитании. На железных дорогах действительно видно большое количество крестьян с мешками. Это движение ненормально велико и напоминает время первых лет революции»³¹. Из месяца в месяц это явление усиливалось. В августе «Восточный бюллетень МИДа» писал о «массовом бегстве населения из деревни», которое приобрело размеры «стихийного бедствия». «Тысячи людей, – сообщил автор текста, – толпились и толпятся на станциях, устремляясь как можно дальше в совершенно неопределенных направлениях»³². Найти хлеб в городах, однако, становилось все труднее, учитывая углубляющуюся здесь также нехватку. Уже в феврале 1932 г. Адам Стебловски сообщил из Харькова о снижении норм питания и лишении карточек на хлеб некоторых категорий городского населения³³. «Нищета рабочих дошла уже до таких границ, что их семьи вынуждены питаться такими плохими продуктами, как хлеб с горохом и картофельные очистки, небольшую корзинку которых продают на рынках в Киеве по цене от 80 коп. до рубля»³⁴.

³⁰ *Ibidem*, Raport A. Stebłowskiego, Charków, 21 V 1932, k. 180-181.

³¹ *Ibidem*, A. Żmigrodzki do Departamentu Handlowego Ministerstwa Przemysłu i Handlu, Moskwa, 7 V 1932, k. 127.

³² *Nowa polityka wiejska* // „Biuletyn Wschodni Ministerstwa Spraw Zagranicznych”, nr 21, sierpień 1932, s. 3.

³³ SAW, sygn. I.303.4.3043: Raport A. Stebłowskiego, Charków, 25 II 1932, k. 83-84.

³⁴ *Ibidem*, H. Jankowski do posła RP w Moskwie, Kijów, 11 V 1932, k. 64-65.

В деревне от голода вместе с людьми страдали животные. Во всем СССР на протяжении нескольких лет систематически уменьшалось поголовье лошадей³⁵, тем не менее, на Украине весной 1932 г. произошла настоящая катастрофа. Большая часть некормленных животных погибла, а те, которые выжили, находились в состоянии крайнего истощения. О положении в окрестностях Луганска в мае 1932 г. писал советник Стебловски: «Лошади, говорят, там так ослаблены, что на пастбищах, на которые их уже начинают выгонять, чтобы хоть немного покормились, их нужно подпирать досками, так как по слабости уже не могут устоять на ногах»³⁶. Как Стебловски, так и Жмигродски отметили, что во время поездки на автомобиле по окрестностям Харькова видели многочисленные скелеты лошадей, лежащие в придорожных канавах. Живые животные, мимо которых они проезжали, качались на ногах и были «так истощены, что на них буквально остались кожа да кости»³⁷. Мор лошадей, которые в украинских условиях были главной тягловой силой, имел существенное влияние на срыв посевной кампании весной 1932 г. Животных не могли заменить широко разрекламированные тракторы, которые полностью подвели, что было вызвано плохим качеством машин, их неумелой эксплуатацией, но прежде всего хроническим отсутствием запасных частей. Другим фактором, который катастрофически повлиял на результаты кампании, было разбазаривание во время хлебозаготовок семенного фонда. «Вероятно, власть рассчитывала на то, – сообщал Антони Жмигродски, – что колхозы так или иначе смогли что-то припрятать и, когда возникнет необходимость, выделят зерно для посева из собственных запасов [...]. Однако, как представляется, советское правительство здесь совершило ошибку, поскольку колхозы и индивидуальные хозяйства из-за правительственных хлебо-

³⁵ См.: *ibidem*, *W sprawie pogłowia końskiego i bydła w ZSSR w 1932 r.*, raport ppłk. dypl. J. Kowalewskiego z 21 VI 1932, k. 15-18.

³⁶ *Ibidem*, Raport A. Stebłowskiego, Charków, 21 V 1932, k. 181.

³⁷ *Ibidem*, См. также: *ibidem*, A. Żmigrodzki do Departamentu Handlowego Ministerstwa Przemysłu i Handlu, Moskwa, 7 V 1932, k. 134.

заготовок действительно во многих случаях были до зернышка лишены посевного материала»³⁸. Между прочим, случалось и так, что сами оголодавшие крестьяне разворовывали эти «железные запасы». Нехватку зерна потом пытались скрыть, используя разнообразные трюки. «Обычным явлением, – писал Жмигродски, – стали факты жульничества в колхозах, выражающиеся или в перемешивании зерна с песком, в результате чего демонстрируется определенное количество посевного материала по весу, или сам сев осуществляется разреженно с таким расчетом, чтобы посевного материала хватило на все поле. Таким образом отдельные колхозы пытаются продемонстрировать выполнение плана. Были также отмечены случаи, когда некоторые колхозы сеяли вместо хлеба все что угодно, в зависимости от возможностей»³⁹. Ключевое значение, однако, имела глубокая апатия, которая охватила украинское село. Автор анализа в «Восточном бюллетене МИДа» писал: «Там, где трудно было оказывать в той или иной форме давление на крестьян, они совершенно перестали интересоваться посевной, а заданную работу выполняли механически, не заботясь о результате». «Украинский крестьянин, – звучал драматический вывод, – потерял веру в свою извечную кормилицу – землю»⁴⁰. Нет ничего удивительного, что перспективы урожая должны были в тех условиях вызывать глубокое беспокойство.

Явный – как представлялось – крах сельскохозяйственного эксперимента склонял польских наблюдателей к мнению, что советская власть будет пытаться отказаться от прежней политики и предпримет усилия для улучшения положения в деревне. На это указывали провозглашенные весной 1932 г. декреты о снижении сельскохозяйственных налогов, уменьшении плана хлебосдачи и свободной торговле излишками

³⁸ *Ibidem*, k. 126.

³⁹ *Ibidem*, k. 133.

⁴⁰ *Nowa polityka wiejska*, „Biuletyn Wschodni Ministerstwa Spraw Zagranicznych” nr 21, sierpień 1932, s. 3. Крестьяне ограничили свои усилия лишь обработкой небольших приусадебных участков.

зерна⁴¹. Однако эти льготы оказались всего лишь маневром, рассчитанным на короткий период⁴². Ничто особенно не изменилось в положении на Украине. Польские отчеты лета 1932 г. подтверждают заметный рост смертности, вызванной голодом, и повторяющиеся случаи людоедства⁴³. В это же время украинская пресса писала о крайней нищете, якобы господствующей в Польше. Харьковский «Коммунист» сообщал в номере от 2 июля: «В деревне в хатах лежат люди, пухнувшие от голода», а «таких низких продовольственных норм не было даже во время мировой войны...»⁴⁴.

Польские наблюдатели справедливо обратили внимание на III Всеукраинскую партийную конференцию, которая состоялась в Харькове в начале июля 1932 г. В ее работе приняли участие специальные представители Москвы – Вячеслав Молотов и Лазарь Каганович, которые должны были мобилизовать украинских товарищей на безусловное выполнение плана осенних хлебозаготовок. Правда, он был несколько снижен по сравнению с предыдущим годом, но и так оставался совершенно нереальным⁴⁵. «Полная апатия и расслабленность в деревне – основные явления», – писал секретарь Генерального Консульства РП в Харькове Здзислав Милошевски. «Можно смело сказать, что целые деревни не выходят на работу неделями. Недаром поэтому мы наблюдаем случаи, когда

⁴¹ Советник Жмигродски в конце мая 1932 г. писал: «нынешнее положение является таким серьезным предупреждением для советской власти, что, по всей вероятности, она хотела бы как можно скорее из нее выйти и на будущее быть более осмотрительной в своем стремлении привить социализм в деревне». CAW, sygn. I.303.4.3043: A. Żmigrodzki do Departamentu Handlowego Ministerstwa Przemysłu i Handlu, Moskwa, 25 V 1932, k. 138-139.

⁴² Он, впрочем, вероятно, достиг желаемого результата. В отчете с Житомирщины, который в сентябре 1932 г. попал в Варшаву по каналам разведки, утверждалось, что упомянутые распоряжения властей предотвратили весной крестьянский бунт. CAW, sygn. I.303.4.5424: Разработка *Голод на Украине и настроение крестьянства*, 14 IX 1932, k. 40-44.

⁴³ Ср.: CAW, sygn. I.303.4.3043: P. Kurnicki do posła RP w Moskwie, Kijów, 22 IX 1932, k. 47-52.

⁴⁴ *Ibidem*, Raport prasowy Konsulatu Generalnego RP w Charkowie nr 9/32, część I za okres 1-15 VII 1932, k. 273.

⁴⁵ *Ibidem*, k. 274-283; *ibidem*, Z. Miłoszewski, *Zbiory zbóż na Ukrainie w 1932 r. i perspektywy na „chlebozagotowki”*, k. 89-102.

отчаявшиеся местные власти выгоняют из городов тысячи чиновников на прополку свеклы, скирдование хлебов и т. п. [...] Голод, а под его влиянием разбуженный инстинкт самосохранения вынуждает крестьянина не более чем к растаскиванию хлеба с полей явным или скрытым образом для собственного потребления»⁴⁶. Это происходило, несмотря на использование драконовских наказаний за «кражу социалистического имущества», введенных декретом от 7 августа 1932 г.⁴⁷

Пассивный протест, который выражала украинская деревня, вызвал ответные действия властей. Польские документы позволяют проследить механизм раскручивания спирали террора. Решения, не поддававшиеся наблюдению, принимались, естественно, в Москве, однако польские дипломаты точно идентифицировали важнейшие явления, которые были следствием московских решений на украинской почве. Ответом на давление, идущее сверху, были, несомненно, резолюции пленума ЦК Компартии (большевиков) Украины [КП(б)У] от 12 сентября 1932 г. В них были подвергнуты острой критике территориальные партийные организации, которые «не развернули непримиримую большевистскую борьбу с коварной деятельностью “кулака” и его агентуры, и прежде всего с многочисленными проявлениями правого оппортунизма»⁴⁸. Следствием стало проведение в ноябре показательной чистки в сельских организациях КП(б)У в пяти районах Одесской и Днепропетровской областей. На Украине также были ужесточены общесоюзные предписания, касавшиеся штрафного налогообложения крестьян, которые «злостно не выполняют [планы] государственных закупок [зерна]»⁴⁹. Внимание польской стороны привлекло также распоряжение Народного

⁴⁶ *Ibidem*, к. 99-101.

⁴⁷ О т. н. «законе пяти колосков» шире: R. Kuśnierz, *Ukraina w latach kolektywizacji...*, s. 109-116.

⁴⁸ SAW, sygn. I.303.4.3043: Raport J. Karszy-Siedlewskiego, Charków, 17 X 1932, к. 194.

⁴⁹ *Ibidem*, Raport kierownika Konsulatu Generalnego RP w Charkowie Henryka Sokolnickiego, 30 XI 1932, к. 285-287.

комиссариата юстиции и Генеральной прокуратуры УССР о создании специальных комиссий по вопросам саботажа хлебозаготовок. В этом документе без обиняков говорилось: «Репрессии, одно из мощных орудий (*могутніх зрядь*) борьбы с сопротивлением классового врага в области хлебозаготовок, должны стать энергичным фактором в борьбе за хлеб. Соответственно и в нужное время примененные суровые репрессии обуславливают успех в борьбе с теми, кто срывает хлебозаготовки. Необходимо применить безжалостное наказание (*нещадну кару*) в отношении кулаков и всех классовых врагов, которые срывают успешную борьбу за хлеб или противодействуют ей»⁵⁰.

Вслед за очередными распоряжениями шли практические действия. Уже в середине октября 1932 г. советник Каршо-Седлевски сообщал о высылаемых в провинцию специальных экспедициях, «которые, имея задачу заставить село выполнить план, конфискуют зерно даже у таких коллективов, которые свой план выполнили на 100%»⁵¹. Вскоре начали поступать следующие донесения о безжалостных конфискациях, совершаемых городскими «активистами». Польские наблюдатели сообщали также о специфическом методе наказания населенных пунктов, задерживающих поставки зерна, который состоял в занесении их на т. н. «черную доску». «Для данного села это практически означает, – объяснял Каршо-Седлевски, – не только немедленное прекращение снабжения его продовольствием и всеми товарами первой необходимости, но и вообще вывоз со складов данной деревни всего, что еще в них находилось»⁵². С самого начала авторы польских отчетов не имели сомнения в том, каковы будут последствия хлебозаготовок. Принуждение к «выполнению плана, – писал еще в сентябре 1932 г. Здзислав Милошевски, – [...] может дать цифровой результат, но тогда Украина будет лишена продо-

⁵⁰ *Ibidem*, k. 290.

⁵¹ *Ibidem*, Raport J. Karszy-Siedlewskiego, Charków, 16 X 32, k. 159.

⁵² CAW, sygn. I.303.4.1867, podteczka Charków 1933, dok. 36: Raport J. Karszy-Siedlewskiego, Charków, 4 II 1933, k. 93.

вольствия подчистую и почти несомненно ее ожидает голод»⁵³. Это мнение еще резче сформулировал отчет, датированный концом ноября 1932 г.: «можно со всей уверенностью утверждать, что полученного урожая зерна наверняка не хватит на пропитание крестьянину и хлебозаготовки [...]. Деревня стоит перед дилеммой: выполнить хлебозаготовки и погибнуть – или защищаться до конца»⁵⁴.

Истощенное крестьянство, однако, было не в состоянии успешно сопротивляться. Против него были не только бригады «активистов», но и прежде всего регулярные силы ГПУ. Гарантом того, что они не остановятся перед подавлением возможного недовольства на селе, стала личность нового шефа республиканского аппарата безопасности – Всеволода Балицкого. Его назначение польская разведка удачно прокомментировала как «подчеркивание бессилия местного партийного аппарата и ГПУ на Украине», находящегося «на последнем месте в СССР с точки зрения политической благонадежности»⁵⁵. Роль, подобную роли Балицкого, должны были сыграть в руководящих структурах КП(б)У два новых секретаря Центрального Комитета Павел Постышев и Николай Попов. За их назначением в начале 1933 г. последовала очередная партийная «чистка», которая привела на ряд важных постов доверенных людей Москвы⁵⁶.

На рубеже 1932 и 1933 гг. польские консульства на Украине залила волна писем, молящих о защите от злоупотреблений местных властей. Многократно также возросло количество посетителей. «К нам обращаются люди, – сообщал Каршо-Седлевски, – которые или вообще не хотели до сих пор слышать о

⁵³ CAW, sygn. I.303.4.3043: Z. Miłoszewski, *Zbiory zbóż na Ukrainie w 1932 r. i perspektywy na „chlebozagotowki”*, k. 97-98.

⁵⁴ *Ibidem*, Raport H. Sokolnickiego, Charków, 30 XI 1932, k. 294.

⁵⁵ CAW, sygn. I.303.4.1862, dok. 61: *Informacje personalne z terenu ZSRR, koncept raportu Referatu „Wschód” Oddziału II Sztabu Głównego*, Warszawa, 20 III 1933.

⁵⁶ Ср.: *ibidem*, кроме того: CAW, sygn. I.303.4.1867, podteczka Charków 1933, dok. 36: Raport J. Karszy-Siedlewskiego, Charków, 4 II 1933, k. 93 (см. dok. 1 в «Приложении»).

Польше, или долгое время, преимущественно с 1924 г., вообще не появлялись в Консульстве. Ныне все хотят возвращаться в Польшу, все выискивают у себя фактические или мнимые права на польское гражданство, все жалуются на нищету и голод, которые невозможно выдержать. Часты случаи, когда клиенты – взрослые мужчины плачут, рассказывая о том, что их жены и дети умирают или пухнут с голодк»⁵⁷. Поток просителей практически иссяк в середине марта 1933 г. после массовых арестов, которые провело ГПУ среди лиц, посетивших в последнее время консульства РП⁵⁸. Тщательно контролировалась также переписка польских представительств. «Письма, – писал в апреле 1933 г. Петр Курницки, – не только вскрываются, отклеиваются даже почтовые марки, чтобы проверить, нет ли чего-нибудь под ними»⁵⁹.

Положение голодающего крестьянства страшно ухудшило закрытие границы между Украиной и Советской Россией, куда направлялись до сих пор десятки тысяч беженцев⁶⁰. Эту волну не могли поглотить украинские метрополии. Власти, опасаясь начала голодной катастрофы в городах, начали строго устранять выходцев из деревни и лиц, не имеющих постоянного занятия. С этой целью использовалась введенная вначале лишь в больших городских центрах паспортная система. «В Киеве и Киевской области, – сообщал в начале марта 1933 г. Курницки, – по-прежнему происходит сокращение рабочих и управленческого персонала как на промышленных предприятиях, так и в учреждениях. Сокращения доходят также до высших учебных заведений, откуда исключаются студенты, имеющие

⁵⁷ *Ibidem*, k. 94.

⁵⁸ *Ibidem*, dok. 24 i 30: Raporty P. Kurnickiego z Kijowa z 17 III i 12 IV 1933, k. 38-39, 42-43; dok. 36: Posel RP w Moskwie J. Łukasiewicz do ministra spraw zagranicznych, 27 III 1933, k. 103-104.

⁵⁹ *Ibidem*, dok. 30: Raport P. Kurnickiego, Kijów, 12 IV 1933, k. 43.

⁶⁰ В польских отчетах мы не находим информации на эту тему, однако знаем, что в Варшаву попадали опосредованные сведения, подтверждавшие факт блокады. Ср., напр.: *ibidem*, dok. 53: Szef sztabu Okręgu Korpusu IX ppłk. dypl. Sztarejko do szefa Oddziału II Sztabu Głównego, Brześć nad Bugiem, 9 V 1933 – вместе с фотокопией письма, которое получил из Минска один из солдат украинского происхождения.

порой за плечами несколько курсов обучения. У всех уволенных без исключения отбираются хлебные карточки. Лишение работы влечет за собой последующую необходимость покинуть город»⁶¹. «В самом бассейне Дона [вероятно, в бассейне Донца, т. е. в Донецком бассейне, на Донбассе. – Прим. переводчика], – добавлял автор отчета, опубликованного в обзоре *Polska a Zagranica* (Польша и заграница), – за последние три месяца вынуждены были уехать более 150 тыс. человек. Трудно установить, где эти люди ныне находятся и что дальше с ними происходит, поскольку фактически украинское село [...] ныне уже новых приезжих не принимает»⁶². Подобные действия властей вели лишь к усилению продолжавшегося уже много месяцев исхода. Массовые миграции, в свою очередь, способствовали распространению эпидемий – прежде всего тифа и дизентерии, являвшихся неразлучными спутниками голода. «Все болезни, – информировал бюллетень *Polska a Zagranica* (Польша и заграница), – [...] ширятся по стране, поглощая тысячи жертв, которых нечем лечить, потому что даже в столице, в Харькове, отсутствуют совершенно самые необходимые средства дезинфекции и лекарства (напр., хинин, аспирин и т. п.)»⁶³. Как выглядело с этой точки зрения положение в столице Украины, убедительно свидетельствует фрагмент польского разведывательного отчета, датированного июлем 1933 г.: «Из Александровской больницы в Харькове вывозились машинами (июнь) десятки трупов людей умерших от тифа. В специальной больнице [...] на Холодной горе (в б. здании школы) угасающих людей бросали в бетонный подвал, а затем вывозили. Знакомый сотрудника этой больницы рассказывал, что администрация больницы состоит исключительно из евреев, которые более чем цинично отзываются об умирающих, говоря, что наконец-то эти крестьяне оставят всех

⁶¹ CAW, sygn. I.303.4.1867, podteczka Charków 1933, dok. 43: Raport P. Kurnickiego, Kijów, 1 III 1933, k. 130.

⁶² AAN, Ambasada RP w Londynie, sygn. 1171 // „Przegląd Informacyjny Polska a Zagranica”, nr 16, Warszawa, 25 IV 1933, k. 102 (s. 402).

⁶³ *Ibidem*.

в покое»⁶⁴. Последний шокирующий пассаж – если, конечно, признать достоверность информации – представляет собой, наверное, не столько свидетельство национального антагонизма, сколько скорее драматической ментальной пропасти между украинским городом и деревней. Деревней, которая обречена большевиками на гибель, умирала в одиночестве, окруженная равнодушием не только заграницы...

Кульминацией голода был период накануне жатвы в 1933 г. От него сохранилось несколько особенно потрясающих польских свидетельств. Все они подчеркивают полную разруху и опустошенность деревни. «В селах, насчитывавших когда-то 5-6 тысяч населения, – сообщал информатор польской разведки, – живут в настоящее время [...] 20-30 семей. [...] Из-за нехватки людей для погребения трупов в некоторых селах трупы вначале бросали в подвалы опустевших домов, а когда стало не хватать людей, занимавшихся сбрасыванием трупов в подвалы, трупы долгое время лежали непогребенными в домах. Обычным стало явление, когда трупы не хоронились в течение 3-4 дней. В связи с этим в некоторых почти совершенно вымерших селах стоит невыносимый смрад»⁶⁵. «На дорогах, на полях, в лесах, – рапортовал другой польский агент, – лежат десятки неубранных трупов. В селах, даже пригородных, зачастую полно заколоченных брошенных домов. Почти нигде не видно ни собак, ни кошек – всех съели. В лесах много полуодичавших людей, которые кормятся грибами, мхом и кореньями. На дорогах часто встречаются семьи крестьян, убегающих на телегах из деревни в неопределенном направлении»⁶⁶.

⁶⁴ SAW, sygn. I.303.4.1862, dok. 97: *Notatka 1 z dnia 19 lipca 1933 r.* (сп. dok. 3 в «Приложении», подготовленный на основе приводимого сообщения). Эпидемия тифа оставалась огромной проблемой по меньшей мере до осени 1933 г. Ср.: AAN, AWM, sygn. 50: Raport S. Sośnickiego, Kijów, XI 1933, k. 1218-1219; SAW, sygn. I.303.4.1993, podteczka: Ku 1932-1933, rok 1933, dok. 91: P. Kurnicki do por. J. Niezbrzyckiego, 29 XI 1933.

⁶⁵ SAW, sygn. I.303.4.1862, dok. 97: *Notatka 1 z dnia 19 lipca 1933 r.* (сп. dok. 3 в «Приложении»).

⁶⁶ SAW, sygn. I.303.4.1928, podteczka 1933, dok. 47: Raport W. Mitkiewicz (B.18), 6 VI 1933.

Мотив, который повторяется в польских отчетах, – это массовость явлений каннибализма. «Совершенно достоверный информатор из Бердичева, – читаем в цитируемом выше сообщении, – рассказывает, что вечерами в окрестностях этого города происходит настоящая охота на детей. После наступления темноты ни одна мать не пустит ребенка на улицу. Несмотря на это, происходят случаи воровства детей из домов. Откапываются останки издохших лошадей, происходят случаи съедания семьями покойников после нескольких дней ожидания гробов и разрешения на погребение. В селах голод заявляет о себе ужаснее всего. В ряде районов – таких, как Цветковский, Звенигородский, Уманский, Буцкий, Таращанский, а отчасти Бердичевский, – людоедство стало своего рода привычкой»⁶⁷. Консул Сосницки в июле сообщал, что в киевской тюрьме находится несколько десятков человек, обвиняемых в людоедстве. Этим людей, как он писал, «по очереди отравляют во время принятия пищи, не ожидая приговора»⁶⁸.

В мае-июне 1933 г. на улицах ежедневно можно было видеть людей, умирающих от голода. «Случаи голодной смерти на улицах и во дворах, – сообщал из Киева офицер польской разведки, – уже исчисляются не десятками, а сотнями в день. Каждую ночь улицы объезжают грузовики и телеги, собирают умерших на улицах и рынках, в садах и дворах. Я был свидетелем того, как утром с центрального вокзала вывезли 4 машины умерших и умирающих от голода. Мне сообщили, что так происходит ежедневно. О количестве таких смертей может свидетельствовать факт, что некоторые домоуправления ждут порой по 3-4 дня, взывая к городским властям, чтобы убрали со двора или из подъезда трупы «беспорядочных» или крестьян, которые в поисках объедков или ночлега умирают с голоду. В течение двух ночей с 3 на 4 и с 4 на 5 июня на католическом кладбище «Байкова гора» погребено около

⁶⁷ *Ibidem*.

⁶⁸ SAW, sygn. I.303.4.1862, dok. 102, zai. 2: Raport S. Sośnickiego z lipca 1933 (из документа удален верхний колонтитул с датой и адресатом, а также подпись автора). Ср. dok. 3 в «Приложении».

2 тысяч трупов в 40 ямах. [...] Однако следует пояснить, что лишь часть трупов хоронится на кладбищах, к тому же таким образом, что существует определенная очередность: 2 ночи возят на одно кладбище, в течение следующих двух на другое и т. д. [...] Большинство, однако, хоронится на пригородных полях, огородах и т. п. Установление точного количества собираемых еженощно трупов, к сожалению, невозможно. Из совершенно достоверного источника я знаю, что это количество в среднем составляет около 700 трупов за ночь»⁶⁹.

В приведенном выше отчете мы находим также интересные данные на тему продовольственного кризиса в городах. На фоне других больших центров Правобережья Киев, из которого получен отчет, находился в привилегированном положении, ибо только здесь была организована продажа т. н. «коммерческого» хлеба, вне рамок карточный системы. Чтобы достать такую редкость, нужно было, однако, непременно много часов стоять буквально в километровой очереди. «В некоторых частях города, – писал польский информатор, – преимущественно в пригородах, очереди не прекращаются никогда, потому что люди стоят целые сутки. [...] На этом фоне происходят частые волнения, принимающие форму открытых бунтов, подавляемых с полной безжалостностью милицией, причем зачастую отделы конной милиции избивают толпу нагайками, разгоняя собравшихся». В этой ситуации обычным явлением стала спекуляция хлебом, цена которого была на черном рынке в несколько раз, а порой и более чем в десять раз выше «коммерческой»⁷⁰.

Много интересных сообщений относится ко второй половине года. Их авторы с большим вниманием наблюдали за ходом жатвы на Украине. Во всех польских донесениях повторяется информация о прекрасном урожае, который, однако,

⁶⁹ SAW, sygn. I.303.4.1928, podteczka 1933, dok. 47: Raport W. Mitkiewicza z 6 VI 1933. Приводимые цифры, возможно, несколько завышены (ср.: R. Kuśnierz, *Ukraina w latach kolektywizacji...*, s. 160), но это не меняет общей значимости и смысла отчета.

⁷⁰ *Ibidem*.

не имеет влияния на продовольственное положение в деревне. «Советская власть, – отмечал польский консул в Киеве, – совершенно не считается с пределами человеческих возможностей и терпения»⁷¹. «Государство стремилось взять от деревни как можно больше хлеба для себя, – писал он, – чтобы заполнить существующие бреши в нарушенных мобилизационных запасах и обеспечить снабжение продовольствием городов и крупных промышленных центров, нисколько не заботясь о судьбе разоренной деревни, которой было оставлено то, что еще не было скошено на полях и гнило под дождем. Иллюстрацией этого трудного положения сельского населения является факт, что в деревне запрещено печь хлеб [...]. Населению постоянно обещают разделить хлеб, который останется после удовлетворения потребностей государства, расчетов за работу МТС [Машинно-тракторная станция] и сбора семенных запасов. Как это разделение будет выглядеть – неизвестно, пока население этого хлеба для пропитания не имеет»⁷². Так же, как и в прошлом году, обычными в этой ситуации стали случаи разворовывания хлебных складов и тайного сбора колосьев на полях. Что интересно, в этой процедуре неоднократно участвовали правления самих колхозов. «Некоторые колхозы, – сообщал в другом отчете Сосницки, – специально назначают сторожами стариков, в возрасте от 60 до 70 лет, чтобы удобнее было воровать и прятать для себя целые десятки центнеров. Так называемые „парикмахеры“ жнут колосья целыми мешками. Всюду поля охраняются довольно тщательно, для чего привлекается несоразмерно большое количество людей. Пеших и конных сторожей в некоторых областях насчитываются тысячи. Несмотря на это, воруют по ночам, а в одном из районов из 947 охранников было поймано на воровстве 127. Для охраны полей конфискованы все охотничьи ружья, в

⁷¹ AAN, AWM, sygn. 94: S. Sośnicki do posła RP w Moskwie, IX 1933, k. 41.

⁷² *Ibidem*, k. 39-40.

Киеве в настоящее время невозможно найти порох и дробь»⁷³. В отношении пойманных крестьян применялись самые суровые наказания, однако зачастую судьба тех, кому удалось «украсть», была не лучше. «Отмечены, – сообщал польский военный атташе капитан Харланд, – многочисленные случаи групповых смертей (несколько десятков человек) вследствие объединения незрелыми колосьями хлеба»⁷⁴.

Нехватка рабочих рук в деревне, вызванная смертью нескольких миллионов крестьян и истощением оставшихся в живых, вынудили власти использовать радикальные меры. «Для работы на полях мобилизовано, – сообщал в июле советник Каршо-Седлевски, – все еще трудоспособное сельское население (его осталось в крайнем случае половина, а по меньшей мере 20% умерло от голода и болезней), армия, партийные и комсомольские организации; массово высылаются в принудительном порядке в деревню городское население, служащие государственных и коммунальных учреждений, учащиеся высших и средних учебных заведений; летние отпуска были временно отменены»⁷⁵. «По некоторым сведениям, в Киеве, – добавлял капитан Харланд, – мобилизовано около 50 тысяч таких работников, а в Харькове еще больше»⁷⁶. Акция приобрела такой масштаб, что фактически парализовала нормальную жизнь в городе. Консул Сосницки образно писал об этом в августе 1933 г.: «В Киеве учреждения почти совершенно опустели, так как большинство служащих отправлено на

⁷³ САУ, sygn. I.303.4.1862, dok. 102, zał. 3: Raport S. Sońnickiego z sierpnia 1933 (из документа удален верхний колонтитул с датой и адресатом, а также подпись автора). Ср. dok. 3 в «Приложении».

⁷⁴ ААН, АУМ, sygn. 94: Raport kpt. dypl. W. Harlanda, Moskwa, 2 VIII 1933, k. 116.

⁷⁵ САУ, sygn. I.303.4.3043: J. Karszo-Siedlewski do ministra spraw zagranicznych, Charków, 18 VII 1933, k. 303-304. Данный отчет впоследствии опубликован (с небольшими, но знаменательными поправками) в бюллетене „Polska a Zagranica”, nr 29 от 25 VII 1933.

⁷⁶ ААН, АУМ, sygn. 94: Raport kpt. dypl. W. Harlanda, Moskwa, 2 VIII 1933, k. 116. Автор отчета при этом трезво замечает: «производительность труда таких работников непомерно низка, и без преувеличения можно сказать, что один деревенский житель стоит гораздо больше, чем 10 или 20 непривычных к такой работе горожан».

[сельскохозяйственные] работы; в учреждениях, в которых работало 5 человек, остался один. Все заводы и фабрики закрыты. Гражданское население регистрируется на улицах, рынках и т. д. Длинные колонны с оркестрами и знаменами тянутся по улицам к железнодорожному вокзалу, за ними движутся платформы с вещами. Складывается впечатление, что эти люди не скоро вернутся в Киев. Это поможет советской власти в дальнейшей чистке городов и сделает возможным на постоянной основе укрепить этим элементом обезлюдившие села»⁷⁷. Выезжающих старались подготовить к ужасам, с которыми они столкнутся в деревне, и соответствующим образом распропагандировать. «Провожая отъезжающих в деревню рабочих одного из киевских заводов, – отмечал Сосницкий, – управляющий произнес на митинге речь, в которой, в частности, сказал: „мы знаем, что в деревне голод и ширится людоедство, однако вы сильные и закаленные рабочие, вы должны поднять дух в деревне“»⁷⁸. Подобная «миссия», однако, не встречала понимания у изголодавшегося крестьянина. Царящее в деревне отчаяние скорее находило выход во внезапных вспышках ненависти к пришлым горожанам. Так произошло, например, в местечке Попельня, где крестьяне подожгли барак с несколькими сотнями людей, присланных из Киева на сельскохозяйственные работы⁷⁹.

Обильный урожай 1933 г. позволил ликвидировать катастрофу, однако украинское село вновь было лишено всех излишков хлеба, кроме минимума, необходимого для жизни. Несмотря на прекрасный урожай, весной 1934 г. в некоторых районах Украины, что четко подтверждают польские документы, снова вспыхнул голод, в крайних случаях приведший к

⁷⁷ CAW, sygn. I.303.4.1862, dok. 102, zai. 3: Raport S. Sośnickiego z sierpnia 1933. Ср. dok. 3 в «Приложении».

⁷⁸ *Ibidem*.

⁷⁹ AAN, AWM, sygn. 94: S. Sośnicki do posła RP w Moskwie, Kijów, IX 1933, k. 45. Ср. отчет итальянского консула в Харькове Серджио Градениго от 16.VIII.1933 г. См.: A. Graziosi, *Lettere da Kharkov...*, doc. 43, p. 202.

повторению явления людоедства⁸⁰. Потрясают те места в польских отчетах, которые свидетельствуют о настроениях крестьян, уцелевших в голодном катаклизме. «Нынешнее состояние является состоянием полного отчаяния и безнадежности», – писал в октябре 1933 г. вице-консул Курницки. И далее: «Я беседовал со многими семьями, которые не имели даже килограмма запасов на зиму. Когда спрашиваешь, как они собираются зимовать, отвечают, что у них нет даже надежды продержаться до весны, уверены, что умрут с голоду, но несмотря на это, в их словах не замечается даже малейшего протеста или тени возмущения. Они принимают это как волю Божию»⁸¹.

Парадоксально, но часто лучше была судьба тех крестьян, которых депортировали с Украины в период кампании «раскулачивания». Хотя их положение тоже было незавидным. С одной из таких групп встретился на Урале заместитель торгового советника польского посольства Ян Лагода: «во всех промышленных центрах я натолкнулся на многочисленные группы раскулаченного украинского населения. Материальное и моральное положение этих разоренных людей страшно. Мужчины зарабатывают на заводах от 50 до 60 советских рублей в месяц. В семьях этих рабочих царит форменный голод». Далее Лагода описывает свою встречу с группой женщин – украинок с Харьковщины, которые, чтобы прокормить детей, вынуждены были воровать капустные листья с колхозного поля⁸².

⁸⁰ AAN, MSZ, sygn. 9513 (mf. B 25920): Raport zastępcy radcy handlowego Poselstwa RP w Moskwie Jana Łagody z podróży służbowej na Ukrainę odbytej 1-10 IV 1934, k. 211; *ibidem*, AWM, sygn. 94: *Sprawozdanie ogólne attaché wojskowego przy Poselstwie Polskiem w Moskwie za 1933 rok*, k. 149. О голодных бунтах в начале 1934 г. сообщало Консульство РП в Киеве в отчете, приведенном в: W. Włodarkiewicz, *Przed 17 września 1939 roku. Radzieckie zagrożenie Rzeczypospolitej w ocenach polskich naczelnych władz wojskowych 1921-1939*, Warszawa 2002, s. 184.

⁸¹ AAN, AWM, sygn. 94: P. Kurnicki do posła RP w Moskwie, Kijów, 20 X 1933, k. 54-55.

⁸² AAN, MSZ, sygn. 9513 (mf. B 25920): Raport J. Łagody, Moskwa, 14 X 1933, k. 20.

Очень важная информация, которую мы находим в дипломатических отчетах, – это предполагаемое количество жертв Большого голода. Польские наблюдатели в принципе все сходились в том, что оно составляло по меньшей мере 5 миллионов человек, хотя трудно определить, на какие источники они опирались, давая именно такую оценку⁸³. Путешествуя по Украине, польские дипломаты видели обезлюдевшие деревни и целые районы. На место прежних жителей советская власть привозила новых поселенцев – русских, белорусов и евреев. Польский консул в Киеве, который в августе 1933 г. проехал по Украине на автомобиле, пишет: «Бездорожья с бедными селами представляют собой очень печальную картину, целые километры необработанной земли, засеянные поля, полные сорняков, а количество рук для сбора даже этих малых урожаев минимально. В нескольких селах во время поездки я спросил дорогу, жители отвечали, что дорог тут не знают, что их сюда прислали, поселили в хатах, хозяева которых умерли, и велели работать»⁸⁴.

Интересной проблемой является интерпретация причин украинской катастрофы. Польские дипломаты, кажется, не имели по этому вопросу однозначного мнения. Консул РП в Киеве писал об «ошибках» советских властей и неудачном «эксперименте», т. е., таким образом, как представляется,

⁸³ AAN, AWM, sygn. 94: *Sprawozdanie ogólne attaché wojskowego przy Poselstwie Polskiem w Moskwie za 1933 rok*, k. 147; *ibidem*, Ambasada RP w Londynie, sygn. 1172 // „Przegląd Informacyjny Polska a Zagranica”, nr 40, Warszawa, 10 X 1933, k. 383 (s. 1076) (см. dok. 4 в «Приложении»). Выше всего численность жертв оценивал руководитель польского Генерального Консульства в Харькове, писавший о «голодной смерти более 10 млн. человек» (!). AAN, MSZ, sygn. 6841: Referat J. Karszy-Siedlewskiego na zjazd konsularny w Moskwie, *Życie gospodarcze Ukrainy i jego udział w całości organizmu gospodarczego Z.S.R.R.*, VI 1934, k. 101. Вероятно, такая оценка опиралась на разведывательные данные, полученные от информатора из ГПУ. Ср. SAW, sygn. I.303.4.1862, dok. 97: *Notatka 1 z dnia 19 lipca 1933 r.*

⁸⁴ AAN, AWM, sygn. 94: S. Sośnicki do posła RP w Moskwie, IX 1933, k. 38. Год спустя руководитель киевского представительства констатировал прекращение колонизационной акции, проводимой властями Советской Украины. Ср. два отчета Каршо-Седлевского: от 11 VIII (AAN, MSZ, sygn. 6710 (mf. B 23022), k. 250-251) и 21 X 1934 (*ibidem*, sygn. 7003 (mf. B 23340), k. 68).

просто обвинял в слепой и доктринерской сельскохозяйственной политике большевиков, у которых ситуация в определенный момент вышла из-под контроля⁸⁵. К другим выводам, однако, должны были вести наблюдения Каршо-Седлевского, руководителя польского представительства в Харькове. Он справедливо замечал, что голодная катастрофа коснулась зоны с четко обозначенными границами, что трудно было объяснить иначе, чем целенаправленной деятельностью властей. «...Характерно, – писал Седлевски, – что это положение [т. е. голод] относится не к югу России как таковому, а именно к Украине, ибо, если пересечь северную границу УССР, картина меняется коренным образом. В Центральном черноземном районе, который с климатической и хозяйственной точек зрения мало чем отличается от Украины, положение крестьян несравнимо лучше. Это свидетельствует о том, что экономическая политика центрального правительства в отношении Украины была гораздо более безжалостной и грабительской, чем в отношении соседних районов РСФСР, за исключением одного Северного Кавказа»⁸⁶.

Интерпретацию, тесно связывающую причины Большого голода с национальной политикой большевиков, укрепляло наблюдение за действиями сталинского заместителя на Украине Павла Постышева, стремившегося к ликвидации всяческих проявлений «украинского сепаратизма». Трудно здесь вдаваться в подробности, поскольку тема заслуживает, несомненно, отдельного рассмотрения, однако чтение польских документов дает полную картину антиукраинской кампании,

⁸⁵ «Экономический эксперимент в сельском хозяйстве советской Украины продолжается, а за вытекающие из него ошибки, которые совершает руководство, расплачивается исключительно сельское население». AAN, AWM, sygn. 94: S. Sośnicki do posła RP w Moskwie, IX 1933, k. 45.

⁸⁶ AAN, Ambasada RP w Moskwie, sygn. 45: *Kwestia narodowościowa na Ukrainie Sowieckiej według stanu na 1.V.1933 r.*, referat na Zjazd Konsularny w Moskwie, 8 V 1933, k. 74 (dok. 2 в «Приложении»). Вышеизложенный тезис Каршо-Седлевски сформулировал на основе собственных наблюдений, сделанных во время поездки из Харькова в Москву. CAW, sygn. I.303.4.1985, rok 1933, dok. 17: J. Karszo-Siedlewski do posła RP w Moskwie, Charków, 31 V 1933.

развязанной в 1933 году. Мы находим среди них отчеты о прекращении курса на украинизацию, об очередных чистках в КП(б)У, разгроме украинских научных и образовательных учреждений, преследованиях интеллигенции, новых переселениях и арестах, наконец, прогрессирующей рерусификации государственной жизни на Украине⁸⁷. В начале 1934 г. первый этап расправы с национально сознательными элементами можно было считать закрытым. Его результаты подытожил в отчете Ежи Незбжицкому вице-консул Курницы: «По национальному вопросу могу сообщить немного, поскольку этот вопрос в настоящее время выглядит слишком несложно, а именно: все, что могло бы что-либо заявить в этой области, к тому же оппозиционным образом по отношению к существующему режиму, прикрито или запугано так, что не может быть и речи о том, чтобы кто-то отважился на некое активное выступление. А ППУ и другие активные партийцы так натасканы на национальную дичь, что в случае появления таковой набросились бы на нее с энергией оголодавшего волка»⁸⁸.

*

Ниже представлено несколько наиболее характерных документов, иллюстрирующих состояние информированности польской дипломатии и разведки по поводу трагедии, разыгрывающейся на Советской Украине. Они прежде всего касаются периода весны и лета 1933 г., когда голод, ежедневно поглощавший тысячи жертв, достиг своего апогея. Вся

⁸⁷ См. ряд материалов, находящихся в папках: AAN, AWM, sygn. 94, а также *ibidem*, MSZ, sygn. 6710 (mf. В 23022), а также САW, I.303.4.2995. Явную связь между обеими кампаниями – ударом по крестьянству и по национальным элементам на Украине – видел советник Каршо-Седлевски, который в сентябре 1933 г. писал о «последовательно и планомерно проводимой акции политических отделов коммунистической партии, которая сломала пассивное сопротивление крестьянина и децентралистские тенденции украинской интеллигенции». САW, sygn. I.303.4.1985, rok 1933, dok. 27: J. Karszo-Siedlewski do por. J. Niezbrzyckiego, Charków, 16 IX 1933.

⁸⁸ САW, sygn. I.303.4.1993, podteczka: Ku 1934-1935-1936, rok 1934, dok. 8: Raport P. Kurnickiego z 18 I 1934.

польская документация, охватывающая свыше сотни донесений, отчетов и анализов, будет опубликована в ближайшее время издательством Польского института международных дел. Представляемые материалы ныне хранятся в двух архивных учреждениях: Архиве новых актов в Варшаве и Центральном военном архиве в Варшаве-Рембертове. Наиболее ценные, как представляется, документы находятся в рембертовском фонде № I.303.4 (II Отдел Главного штаба), в котором, кроме актов чисто разведывательного характера, удалось отыскать богатую переписку польских дипломатических и консульских представительств в СССР, не сохранившуюся в таком объеме в материалах предвоенного Министерства иностранных дел. Большое значение имели также изыскания, проведенные среди документов Военного атташе Посольства РП в Москве, находящихся в Архиве новых актов. Все приведенные материалы публикуются в печати впервые.

Приложение

Документ 1
1933, февраль, 4, Харьков. – Отчет заведующего
Генеральным Консульством РП в Харькове Яна
Каршо-Седлевского по вопросу о продовольственном
положении на Украине и чистке в КП(б)У.

Голод на Украине становится все ужаснее и сильнее. С этой точки зрения положение ухудшается явно со дня на день, учащаются случаи воровства, грабежей и убийств, прежде всего на рынках, с целью добыть пищу. Это положение неспособны ни опровергнуть, ни предотвратить всякие шумные речи Сталина и других партийных руководителей на последних московских собраниях о больших достижениях пятилетки и якобы улучшении жизни населения в СССР. Напротив, просто катастрофическое положение со снабжением и неудачный ход «хлебозаготовок» фактически вызвали большое беспокойство

среди партийных руководителей. Об этом свидетельствуют последние законы, декреты, исполнительные распоряжения и новая волна сильнейшего террора, выражающаяся не только в многочисленных арестах, производимых ГПУ, которое насильно отбирает у сельского населения остатки зерна и муки, но прежде всего в ряде последних резких распоряжений типа «партийной чистки», передачи руководства важнейшими промышленными объектами и правлений совхозов и колхозов самым энергичным выдающимся военным, паспортного закона, который должен очистить города и крупнейшие промышленные центры от лишнего элемента и т. д.

Однако все эти самые радикальные распоряжения неспособны исправить нынешнее положение не только потому, что слишком поздно изданы и могут дать предполагаемые успешные результаты лишь после будущей сельскохозяйственной кампании и новой жатвы, но прежде всего потому, что главной причиной страшного положения является полное физическое и еще более нравственное истощение как сельского, так и городского населения, которое все больше перестает верить в возможность улучшения своей судьбы и так ослаблено вследствие плохого питания, что никакие угрозы и обещания лучших перспектив неспособны вывести его из состояния равнодушия. Это состояние, конечно, сказывается на работе каждого отдельного человека и вследствие этого дезорганизует работу в промышленности, в сельском хозяйстве, на железных дорогах и т. д.

Руководители коммунистической партии объясняют вышеизложенные все большие недостатки и беспорядок в экономической жизни Украины кознями различных «вредителей», кулаков, якобы саботажами и организованным пассивным сопротивлением, в то время как мы имеем здесь дело с более опасным психологическим явлением: люди, измученные голодом и холодом, думающие лишь о том, как добыть хлеб для себя и своей семьи, постоянно дрожащие от страха ареста и отобрания сотрудниками ГПУ остатков имущества, не только не хотят, но просто не могут работать. С этим положением

советской власти будет трудно бороться и справиться при помощи прежних методов террора и различных распоряжений и законов, издаваемых от случая к случаю. Пара ближайших месяцев покажет, как коммунистическая партия и правительство справятся с ситуацией, которая несомненно будет со дня на день ухудшаться, и смогут ли они овладеть положением в экономике.

Сейчас, накануне заседания ВУЦИК⁸⁹, которое состоится 7 февраля, мы становимся свидетелями чистки в коммунистической партии Украины. Первой жертвой этой чистки пал секретарь партийного комитета Харьковской области Терехов, снятый с поста за «ошибки в политической работе в деревне, особенно в области хлебозаготовок»⁹⁰. Эти ошибки должен исправить его преемник, старый большевик Постышев⁹¹. Подобную работу по исправлению ошибок должен провести в наиболее плохо работающей и наихудшим образом выполняющей план хлебозаготовок Днепропетровской области секретарь Центрального Комитета КП(б)У Хатаевич⁹². В чем состоят эти ошибки в политической работе, пресса умалчивает

⁸⁹ Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет (укр. Всеукраїнський Центральний Виконавчий Комітет) – в 1919-1938 гг. формально высший орган советской власти в республиканских структурах на Украине.

⁹⁰ Роман Терехов (1889-1979), большевистский деятель, в двадцатые годы связанный с Донбассом, в 1930-1933 гг. секретарь ЦК, член Политбюро и Оргбюро ЦК КП(б)У, одновременно стоявший во главе Харьковского областного комитета партии, в феврале 1933 г. снят с высших партийных постов, позднее работал в советских профсоюзах и органах контроля.

⁹¹ Павел Постышев (1887-1939), большевистский деятель, русский, в 1923-1930 гг. в украинской партии, в 1930-1933 гг. секретарь ЦК ВКП(б), в начале 1933 г. послан Сталиным на Украину с целью надзора за акциями реквизиции зерна, в 1933-1937 гг. второй секретарь ЦК КП(б)У, фактический правитель УССР, исполнитель политики террора, в 1937 г. переведен с Украины, казнен.

⁹² Мендель Хатаевич (1893-1937), большевистский деятель, родом с Гомельщины, в 1917-1932 гг. на различных партийных постах в РСФСР (в частности, первый секретарь Татарского, а затем Средневожского областного комитета ВКП(б)), с конца 1932 г. на Украине, член Политбюро КП(б)У и первый секретарь Днепропетровского областного комитета партии, один из «командиров Большого голода», в 1937 г. попал в немилость, расстрелян.

и также не говорит о том, в каком направлении должна вестись дальнейшая работа по их исправлению. Возможно, мы узнаем об этом во время прений на заседаниях ВУЦИК, а возможно и нет, так как речь здесь идет прежде всего о выполнении планов хлебозаготовок, которые на Украине по-прежнему выполняются плохо и должны быть закончены в ближайшие дни, тем более что последний срок их окончания был определен до конца января текущего года. Таким образом, будет новая волна террора в той или иной форме административных распоряжений, а пока необходимо было найти виноватых, чтобы обелить руководителей украинской коммунистической партии в глазах Москвы. Одним из способов террора для выполнения отдельными деревнями хлебозаготовок является по-прежнему и в прежней степени практикуемое занесение их на т. н. «черную доску». Для данного села это практически означает не только немедленное прекращение снабжения его продовольствием и всеми товарами первой необходимости, но и вообще вывоз со складов данной деревни всего, что еще в них находилось.

Доказательствами ужасного положения и усиливающегося голода Генеральное Консульство с каждым днем обладает во все большем количестве. Они состоят из многочисленных поступающих в Консульство писем с просьбами о помощи в борьбе со злоупотреблениями местной власти и визитов посетителей, количество которых увеличилось на протяжении последних недель по меньшей мере втрое. К нам обращаются люди, которые или вообще ранее не хотели слышать о Польше, или долгое время, преимущественно с 1924 г., вообще не появлялись в Консульстве. Ныне все хотят возвращаться в Польшу, все отыскивают у себя фактические или мнимые права на польское гражданство, все жалуются на нищету и голод, которые невозможно выдержать. Часты случаи, когда клиенты, взрослые мужчины плачут, рассказывая о том, что их жены и дети умирают или пухнут с голоду, имея в качестве единственной пищи жмых, и то в недостаточном количестве.

В городах и крупных заводских центрах положение выглядит также ужасно, но, возможно, несколько лучше, чем в деревнях, так как советская власть, опасаясь там организованных бунтов, старается время от времени, хотя несистематически и в недостаточном количестве, доставлять туда самые необходимые продукты. Рабочий тяжелой промышленности, который ранее получал один килограмм хлеба в день, в настоящее время получает лишь 600 г, а в ближайшее время эта порция должна быть уменьшена до 500 г. Работники других, более легких отраслей, которые получали 700 г хлеба, ныне получают лишь 300 г, а в ближайшее время должны получать 200 г. Выдаваемые в последнее время хлебные карточки дают право на получение хлеба только в определенном пункте (или кооперативе), и, если в этот день в данном пункте хлеба нет, право на использование этой порции пропадает, что на практике очень часто случается.

Тяжелое положение со снабжением и невозможность накормить прежнее количество рабочих вынудили ряд заводов, как, например, Харьковский тракторный завод (ХТЗ), к значительному сокращению количества рабочих. От одного из главных директоров завода «Серп и молот» в Харькове (немца) у меня есть совершенно достоверные сведения о том, что данный завод сократил в настоящее время количество рабочих с 15 до 7 тыс. Причины этого сокращения следующие: 1) вышеупомянутая невозможность прокормить большее количество рабочих, 2) недопоставка необходимого для нормального заводского производства количества сырья, 3) т. н. «хозрасчет», навязывающий заводу расчеты стоимости производства и заработной платы, а также вынуждающий его к финансовой самодостаточности в смысле приспособления размера расходов к размеру получаемого дохода. В подобном положении оказался ряд заводов Украины, которые по причине отсутствия снабжения и сырья в последнее время должны были значительно сократить производство и уволить тысячи рабочих. Интересно, что со всеми этими людьми будет и как

советская власть сможет согласовать это явление с постоянно повторяемым утверждением, что в СССР нет безработных.

Вскоре выяснится, какие практические результаты будут достигнуты (и будут ли они вообще) после появления новых паспортных правил, введенных с целью избавления крупных промышленных центров, в первую очередь Москвы, Ленинграда и Харькова, от ненужного элемента. В Харькове в этой области сделано еще очень мало, и это по причине отсутствия соответствующей организации и исполнительных предписаний, без которых административная власть не может приступить к выдаче паспортов. Кроме того, как говорят, не хватает бумаги на напечатание соответствующего количества паспортов, и не однажды происходит так, что различные провинциальные власти и организации выдают официальные свидетельства и удостоверения к паспортам, например, на кусках обоев, содранных со стены. В Харькове произошел на днях случай кражи целой пачки напечатанных паспортов (по некоторым сведениям, около тысячи), которые теперь тайно продаются на рынке за 600-800 руб. за штуку. В то же время выселение из Харькова людей еще не ощущается, а паспортные правила, главным образом, служат выгодным предложением для ГПУ, чтобы избавиться от политически подозрительных лиц.

Заведующий Генеральным Консульством
Я. Каршо-Седлевски
Советник Посольства

Оригинал, машинопись.

SAW, I.303.4.1867, podteczka Charków 1933, dok. 36, k. 91-96.

Документ 2

1933, май, 8, Москва. – Из доклада заведующего Генеральным Консульством РП в Харькове Яна Каршо-Седлевского *Национальный вопрос на Советской Украине по состоянию на 1.V.1933 г.*, подготовленного на Консульский съезд в Москве⁹³.

Экономическая эксплуатация Украины центральной властью особенно ярко наблюдается в области сельского хозяйства. Украина всегда была и до последнего времени остается важнейшим в Советском Союзе производителем зерна, который всегда поставлял продукты на экспорт и для удовлетворения потребностей городов и бедных районов внутри страны. Поэтому там, согласно общей линии советской сельскохозяйственной политики, начато форсирование коллективизации и там же она пала наиболее тяжелым грузом на плечи крестьян. Нигде больше, кроме одного лишь Северного Кавказа, «хлебозаготовки» не проводились с такой жестокостью и не представляли собой, собственно говоря, фактической конфискации почти всей сельскохозяйственной продукции.

Многочисленные предупреждения и протесты местных функционеров были совершенно безрезультатными, поскольку центральная власть во имя общегосударственных интересов и потребностей продолжала неумолимую политику разорения украинской деревни. Всякое непослушание распоряжениям центральной власти и даже их критика со стороны местной администрации, которая понимала опасность этой политики, были безжалостно наказываемы и определялись как подверженность влиянию кулацкой идеологии. Результатом этой грабительской сельскохозяйственной политики был большой голод весной 1932 г., который после краткого

⁹³ Представленный текст является фрагментом обширной (насчитывающей 34 страницы) разработки, посвященной различным аспектам национальной политики советской власти на Украине – в особенности кризису украинизации. Документ снабжен пометкой «Харьков, 8 мая 1933 г.», но нам известно, что в названный день Я. Каршо-Седлевски уже был в Москве. Цитируемый фрагмент разработки был написан явно под впечатлением путешествия из Харькова в столицу СССР, совершенного польским дипломатом на автомобиле 5-6.V.1933 г.

перерыва осенью прошлого года возобновился в последнюю зиму и продолжается до сих пор. Разорение и нищету украинской деревни невозможно просто описать, причем характерно, что это положение относится не к югу России как таковому, а именно к Украине, ибо, если пересечь северную границу УССР, картина меняется коренным образом. В Центральном черноземном районе, который с климатической и экономической точек зрения мало чем отличается от Украины, положение крестьян несравнимо лучше. Это свидетельствует о том, что экономическая политика центрального правительства в отношении Украины была гораздо более безжалостной и грабительской, чем в отношении соседних районов РСФСР, за исключением одного Северного Кавказа.

Оригинал, машинопись.

AAN, Ambasada RP w Moskwie, sygn. 45, k. 73-74.

Документ 3

1933, август [до 23], Варшава. – Разработка Положение на Украине, составленная заведующим Сектором «Восток» Разведывательного департамента II Отдела Главного штаба, поручиком Ежи Незбжицким на основе отчетов сотрудников польских консульств в Харькове и Киеве⁹⁴.

I. Положение на Украине (Деревня)

Сведения за период с 15 мая по 25 июня 1933 г.

Голод на Украине оч. большой. Главный центр голода – Полтавщина. В селах насчитывавших когда-то 5-6 тыс. населения, живут в настоящее время (15 июня) 20-30 семей.

⁹⁴ Основой разработки были два отчета консула РП в Киеве Станислава Сосницкого и рукописные заметки сотрудника польского Генерального Консульства в Харькове (вероятно, Здзислава Милошевского), сделанные в июле и августе 1933 г. Эти документы хранятся в: SAW, I.303.4.1862 (dok. 97 и 102, zał. 2 и 3).

В одной деревне, насчитывавшей ранее ок. 1000 жителей, в мае умерло ок. 50 молодых людей в возрасте 16-20 лет.

В одном колхозе, насчитывавшем ранее ок. 350 работников, в мае-июне умирало ежедневно ок. 10 работавших. Значительная часть умиравших на поле во время работы не была похоронена. В деревнях пустые дома. В последние недели (июль) советская власть сообщает в городах, что отдаст в собственность сельские дома тем, кто туда поедет на постоянную работу.

Из-за нехватки людей для захоронения трупов в некоторых селах трупы вначале бросали в подвалы опустевших домов, а когда стало не хватать людей, занимавшихся сбрасыванием трупов в подвалы, трупы долгое время лежали непогребенными в доме.

Обычным стало явление, когда трупы не хоронились в течение 3-4 дней. В связи с этим в некоторых почти совершенно вымерших деревнях стоит невыносимый смрад.

Кроме эпидемии тифа, ныне господствующей на Украине, никакой другой не наблюдается.

Из Александровской больницы в Харькове вывозились машинами (июнь) десятки трупов людей, умерших от тифа.

В специальной больнице для больных тифом в Харькове на Холодной горе (в б. здании школы) угасающих людей бросали в бетонный подвал, а затем вывозили. Знакомый сотрудника этой больницы рассказывал, что администрация больницы состоит исключительно из евреев, которые более чем цинично отзываются об умирающих, говоря, что наконец-то эти «крестьяне» оставят всех в покое. Этот сотрудник, единственный русский в больнице, не будучи в состоянии вынести чудовищного поведения администрации в отношении к больным, уволился из больницы (свед. от 15 июля).

Трупы из этой больницы, так же, как из Александровской больницы, ночью вывозятся на машинах.

В середине июня жителю Харькова постоянно бросались в глаза люди, умиравшие на центральных улицах города, и люди-тени с блуждающими глазами, бесцельно бродившие по

городу. 22 июня в течение получасового прохождения по городу на центральной улице Харькова Сумской я видел один труп и одного умирающего.

Три недели назад начали оч. интенсивно и быстро собирать трупы. Собирают также бездомных, которых, помыв, принудительно выслают в совхозы.

В конце июня в Харькове мы ежедневно видели облавы на «беспризорных» и детей. От одной знакомой-врача мы узнали, что людям, истощенным физически, впрыскивают яд.

Дети подбрасываются оч. часто. 8-9-летняя девочка, разговорчивая, которая в апреле несколько дней лежала под Итальянским консульством в Харькове и которую консульство взяло на воспитание, ныне, после 3-месячного пребывания в консульстве, когда ест, абсолютно ни на что не обращает внимания и ничего не говорит.

Питание населения, цены, зарплаты.

Дневной рацион в одном из колхозов на Украине:

200 г хлеба

Уха и немного картофеля

Горох, соя и т. п.

Три раза в день горячая вода

В прошлом году во время сбора урожая на полях специально была оставлена свекла, которая теперь используется и варится.

В период посадки картофеля в некоторых районах большое количество картофеля немедленно после посадки ночью выкапывалось и съедалось в сыром виде.

Несколько дней назад в Харьков приехал техник-инструктор, который ранее жил в Киевской области. Питался свеклой, кукурузой. Он выразил большое удивление, что в Харькове достаточно хлеба, называл Харьков раем, поскольку на Киевщине он не видел хлеба уже 4 мес.

Обычные рабочие, получающие порции хлеба по т. н. «твердым ценам», неделями едят только хлеб, запивая его чаем. Картофельный суп, главное блюдо рабочих, предста-

влетает собой обычную горячую воду, в которой изредка плавают картофель, как здесь говорят, «картошка догоняет картошку».

Один из харьковских рабочих, высланный в деревню куда-то между Киевом и Полтавой с целью пополнения запасов зерна («хлебозаготовки»), рассказывал мне, что в той деревне, где он был, в середине февраля не было ни куска хлеба и что население питается в основном супом из тертых стеблей кукурузы.

В Ген. Кон. клиенты несколько раз показывали траву, которой питается местное население.

Цены. Середина июня:

хлеб	в Харькове	8-15 руб.	1 кг
“	в Белгороде, расст. 70 км от Харькова на линии Харьков-Москва	40 руб.	“
	на Донбассе	20 руб.	“
мясо	на рынке в Харькове	12-15 руб.	“

(Несколько месяцев назад вообще нельзя было найти мяса, нынче видел на рынке большое количество (конец июня). Г. К. покупает мясо на рынке, дешевле, чем в «Торгсине», и есть больший выбор).

10 картофелин на рынке в Харькове 7 руб.

Мука, крупа мерками, стаканчиками по оч. высоким ценам, и то в ограниченном количестве.

Относительно приличный костюм на рынке 1 200 руб.

Пуд картофеля на базаре 100 руб.

В связи со стоянием в очередях появился новый тип спекулянтов. Стоят несколько часов в очереди, где можно приобрести полбуханки хлеба за 3 руб., и потом продают этот хлеб без очереди за 8 руб. (данные середины июня). Дневной заработок хлебных спекулянтов оценивается в 20-30 руб., в то время как квалифицированный рабочий зарабатывает 5-7 руб. в день.

Зарплаты.

Механик – 110 руб., 1 кг хлеба в день

Слесарь – 130 руб., 400 г хлеба

4 детей – 100 г хлеба

жена (полька) 200 г хлеба

Инженер-химик (сахарная промышленность) 300 руб., 600 г хлеба

Молодой преподаватель немецкого языка в Техническом институте, в день имеет три часа занятий, 175 руб., 600 г хлеба

В Харьков приезжают люди из глубокой провинции за хлебом, стоят в очередях, «привозят тиф».

В Сибири в районе Новосибирска в середине мая был большой голод. Буханка хлеба стоила 80-100 руб.

Голод буквально массово уничтожает сельское население. В тюрьмах находится полно людоедов. В киевской тюрьме ныне пребывает несколько десятков человек, которых по очереди отравляют во время принятия пищи, не ожидая приговора. На улицах города по-прежнему лежат умирающие, преимущественно молодого возраста, которых обычно вечерами забирают в больницу. В деревне положение устрашающее, просители, прибывающие из разных мест, согласно рассказывают, что урожаи лучше, чем в прошлом г., но они не представляют себе, как будет проводиться жатва. В деревне Черкассы около Белой Церкви из 2500 человек осталось едва лишь 80 мужчин и 140 женщин. В деревнях Жидовчик и Буденовка Тетиевского района умерло более 80% людей. В деревне Дубровка того же района умерло 50% людей. Многие деревни, которые произвели сев, не могут собрать относительно хороший урожай в результате смерти за время, прошедшее от сева до жатвы, целых сотен людей.

В Ставищенском районе, насчитывавшем до войны 64 тыс. жителей, ныне осталось 30 тыс. В настоящее время все усилия советских властей направлены на мобилизацию людей, нужных для жатвы. Из Киева должно быть прислано 60 тыс. человек, в ближайшие дни должны уйти 2 эшелона по

10 тыс. человек. Мобилизованы все служащие, все гражданские профессии, школы, закрываются заводы и, наконец, [используется] армия. Служащие обычно освобождаются на 2 недели, за это время получают свою зарплату, кроме того, 2 рубля в день и скудную еду, состоящую из хлеба и крупника. Все высылаемые на жатву живут в поле, работа рассматривается как аккордный подряд. Каждый мобилизованный рассчитывает, что обозначенные 2 недели протянутся до месяца, а может и дольше. Зарплата для отправленных в отпуск служащих должна высылаться в соответствующие места, но сами они утверждают, что ее будет трудно получить вследствие отсутствия денег в почтовых отделениях. Отдельные переводы реализуются по частям. Обычные отпуска заменяются полевыми работами, как и выходные дни. 12 числа тек. мес. в Киеве состоялся большой физкультурный парад. В нем приняло участие около 25 тыс. спортсменов обоего пола. Парад смотрелся прекрасно, вид участников был положительным. Перед началом парада к собравшимся обратился по-русски председатель Киевского облисполкома Василенко⁹⁵ и секретарь ЦК КП(б)У Попов⁹⁶, прибывший специально из Харькова. Оба оратора, расхваливая прекрасный вид собравшихся, заявили, что все спортсмены, как «физкультурные ударники», должны возглавить жатву этого года. Из этого следует, что ряды этих «физкультурников» в первую очередь выедут из Киева на сбор урожая. Истощенные крестьяне во время аккордных полевых подрядов гибнут и не возвращаются в свои села. За работу они не получают зарплаты, а в качестве пропитания получают в день на человека: 10 граммов круп, 100 г хлеба, 8 г сахара и 100 г растительного масла на 70 человек.

⁹⁵ Марк Васыленко (?-1937), украинский коммунистический деятель, в 1933 председатель киевского областного исполнительного комитета.

⁹⁶ Николай Попов (1891-1938), коммунистический деятель, в двадцатые годы на Украине, на разных партийных постах, связанных с агитацией и пропагандой (в частности, редактор центральной ежедневной газеты КП(б)У «Коммунист»), в 1929-1933 гг. в Москве, член редакционной коллегии «Правды», с 1933 г. снова на Украине, секретарь ЦК (с 1936 г. член Политбюро) КП(б)У, расстрелян.

О том, как рассматривается аккордная работа, свидетельствует тот факт, что в Тетиевском районе на 1 участника жатвы приходится 12 гектаров.

Армия следит за участниками жатвы. Огромная нехватка тракторов и лошадей. В Таращанском районе в стаде лошадей, насчитывающем 320 голов, 302 больны сапом, сведения получены от доктора Клишевского из Белой Церкви, который работает в местном Ветеринарном институте и лаборатории. Скот в плачевном состоянии, просители утверждают, что в совхозах, где в основном положение должно быть лучше, истощенные коровы дают литр молока в день, а в «коллективах» еще меньше. В Белой Церкви повсюду господствует сыпной и брюшной тиф, обе больницы переполнены больными. Появилась также оспа.

Жатва в основном началась в южных районах Киевского консульского округа, на востоке рожь еще не везде созрела. В селах в последнее время появились крестьяне из Центральной России, которые должны колонизировать уничтоженные украинские деревни, но они, видя голод и нищету, возвращаются обратно. В последнее время питание в воинских частях, дислоцирующихся на Украине, значительно ухудшилось. Движение товарных поездов минимально, в некоторых местностях не видно товарных поездов по 2 или 3 дня, и даже больше.

Паспортизация.

В середине июня в окрестностях Харькова совершено 3 убийства служащих, которые производили паспортизацию.

В последнее время распространились кражи паспортов, документов и денег. Каждые 2-3 дня клиенты Г. К. сообщают о фактах кражи их документов, главным образом, на вокзалах, где ночью в залах ожидания действуют профессиональные воры в больших количествах.

По мнению некоторых клиентов, советский паспорт 3 недели назад можно было купить за 500 руб.

Положение в деревне таково, что люди выезжают туда по принуждению властей.

В апреле-мае на харьковских заводах, за исключением военных промышленных предприятий, произведено сокращение работников на 20-30%.

На кондитерской фабрике «Коффок» в Харькове в мае обнаружено присвоение в размере 9 миллионов руб. Присвоение было совершено членами Ком. парт.

По причине отсутствия сырья (сахара) эта фабрика в июне работала 2-3 дня в неделю. Все время работал отдел «Торгсина» (отдел на фабрике, выпускающий продукцию для «Торгсина»). В настоящее время часть людей отправлена в отпуск.

Продукция промышленных предприятий Харькова в связи с отправкой людей в деревню.

Урожай здесь ожидается прекрасный. В советских правящих сферах существует опасение, что уменьшившееся население деревни не сможет его собрать. В связи с этим принято решение отправить работающих на полевые работы.

Согласно информации, Постышев в середине июля поручил направить 18 июля 200 000 работающих из Харькова на полевые работы.

Мелкие предприятия на период сельскохозяйственных работ закрыты.

16 июля руководство Госбанка в Харькове получило распоряжение направить 400 человек из Харьковского отд. Госбанка. Учитывая то, что работа в Госбанке требует занятости всего персонала, на работы направлено лишь 200 человек при том, что остальные будут работать 10 часов в день, «выходные дни» для работников, оставшихся в Госбанке, отменены, в Госбанке также отменены отпуска.

Люди выезжают на работы, совершенно не знакомые с тем, как выглядят хлеба или свекла.

По непроверенной информации, до 1 июля с. г. на Украине умерло в связи с голодом 10 млн. человек.

Жатва на Правобережной Украине началась почти во всех районах. Советские власти, создавая необычайно оптимистическое настроение, стремятся в первом рывке жатвы мобилизовать как можно больше городского населения и таким образом как можно скорее получить наибольшее количество зерна, прежде чем этому могут помешать акты саботажа или атмосферные условия. Замечания, которые возникают после первых дней жатвы, могу представить следующим образом:

1) Мобилизация населения.

Мобилизация городского населения происходит массово. В Киеве учреждения почти опустели, так как большинство служащих отправлено на работы; в учреждениях, в которых работало 5 человек, остался один. Все заводы закрыты. Гражданское население регистрируется на улицах, рынках и т. д. Длинные колонны с оркестрами и знаменами тянутся по улицам к железнодорожному вокзалу, за ними тянутся платформы с вещами. Складывается впечатление, что эти люди не скоро вернутся назад в Киев. Это поможет советской власти в дальнейшей чистке городов и сделает возможным на постоянной основе укрепить этим элементом обезлюдившие села. На вокзале в Киеве среди отъезжающих видны плачущие люди, это одинокие люди, которые с узелком в руке отправляются в поле, а свою квартиру оставляют на произвол судьбы; нужно добавить, что воровство в Киеве расцвело необычайно. В рядах отъезжающих видны фигуры совершенно ослабленных людей, от которых большой пользы во время жатвы не будет. Нужны 50 человек такого типа, чтобы они могли заменить в поле одного солидно работающего сельского жителя. Работа такими эшелонами не может продолжаться долго, так как после первых же дней они будут обессилены, и переброска их в другие районы на дальнейшие работы при ужасающем состоянии железнодорожного транспорта не позволяет ожидать желаемых результатов. Последние эшелоны из Киева отправились в районы Жашкова, Умани, Монастырища и Каменки.

2) Транспортные средства.

Железнодорожный транспорт, видимо, совершенно не выполняет своей задачи. Эшелоны людей, отправляемых на жатву, прибывают на вокзал в Киеве ранним утром и до вечера ждут отправления. Дирекция вокзала не имеет никаких расписаний движения, надлежащим образом регулирующих движение этих эшелонов. Все газеты бьют тревогу, сообщая о саботаже на Ю.-Зап. железной дороге. Парк железнодорожного транспорта, необходимый для перевозки урожая, не подготовлен как следует. На Козятинском узле накоплено лишь 50% вагонов, которые следовало подготовить согласно плану и вдобавок половина из этих 50% непригодна для использования. В Козятине нет ни одного инженера в железнодорожном депо. Такое же положение существует и в Виннице. В подобном положении находится также водный транспорт. Киевский бассейн должен был до 26 числа тек. мес. поставить Днепропетровскому региону 4 баржи по 300 тонн, прибыло только 2, когда придут следующие, неизвестно. Вследствие плохой организации транспортных средств зерно скапливается в приемных пунктах и далее не может быть транспортировано. Видно отсутствие плана перевозок.

3) Организация труда.

Советские власти и пресса совершенно явно подчеркивают отсутствие надлежащей организации труда в колхозах и медленный темп работ.

а) Люди ходят на работу зачастую по 10 км в одну и другую сторону. Чтобы этому противодействовать, в последние дни дано распоряжение ночевать в поле. Вследствие плохого распределения труда люди бродят по полям без пользы, а ежедневные нормы в результате этого не выполняются. Норма на одного участника жатвы составляет 0,35 га. Отдельные бригады вместо назначенных в день 25 га скашивают лишь по 14 или 15 га. Работа продолжается с восхода солнца до позднего вечера. Городской элемент не справляется с работой вследствие незнакомства с ней. Слабо связанные снопы разлетаются, вследствие чего нужно повторять связывание. Как правило,

для сельского населения назначается гораздо больший объем работы, чем для людей, приехавших из города.

б) Очень велика нехватка тракторов. Ремонт тракторов в этот раз очень запущен. Не были своевременно сделаны запасы бензина и машинного масла. В одном из районов целый день простояло 35 неработающих тракторов. Косилки, сноповязалки в плачевном состоянии. Напр., Винницкая область ремонт молотилок и косилок провела едва лишь на 50%. Фабрика «Серп и молот», по официальному отчету, выпустила с 10 тек. мес. 54 молотилки вместо 76; в предыдущем сравнении производство составляло 869 штук вместо 1215. План производства запасных частей выполнен лишь на 45%. Отсутствие запасных частей сильно чувствуется во время нынешней жатвы, много молотилок и косилок вследствие этого стоит без движения. За воровство и саботаж на областной тракторной станции в Киеве суд приговорил в последнее время 3 человек к 10 годам ссылки, 1 человека к расстрелу (Шабуцкого); ряд других – к наказанию от 1 до 5 лет ссылки. Судебные издержки были оценены в 11 502 рубля.

в) Доставка зерна на приемные пункты происходит очень медленно и не в соответствии с приказами. Во многих случаях колхозы, вместо того чтобы доставить первое зерно государству, оставляют его у себя в качестве аванса в счет полагающейся им нормы. Так, в одном из районов намолот первых семи дней пошел в зачет аванса в размере 49%. В других районах первые намолоты были отобраны как аванс полностью. Власти отбирают у крестьян почти все зерно, а не так, как первоначально планировалось, согласно установленным нормам. Вследствие этого отмечается огромное количество краж зерна и колосьев и тайное кошение целых гектаров. Некоторые колхозы специально назначают сторожами стариков, в возрасте от 60 до 70 лет, чтобы удобней было воровать и прятать для себя целые десятки центнеров. Так называемые «парикмахеры» жнут колосья целыми мешками. Всюду поля охраняются довольно тщательно, для чего привлекается несоразмерно большое количество людей. Пеших и конных

сторожей в некоторых областях насчитываются тысячи. Несмотря на это, воруют по ночам, а в одном из районов на 947 охранников было поймано на воровстве 127. Для охраны полей, для сторожей отобраны все охотничьи ружья, в Киеве в настоящее время невозможно найти порох и дробь. «Единоличники» (владельцы индивидуальных хозяйств) утверждают, «что все равно весь урожай не соберут, и он пропадет», поэтому тоже берут для себя и прячут сколько могут. На поле подбрасывают железные прутья, чтобы таким образом портить косилки. Дороги на приемные пункты в плачевном состоянии; лошади в малых количествах истощены, кроме того, неторопливость колхозов приводит к опозданиям с доставкой зерна. Некоторые колхозы молотят совершенно свежую рожь, невысохшую, в соломе остается почти половина зерен, и эту солому жгут в локомотивах. Этот факт официально подтвержден в Новоселицком колхозе им. Ворошилова. Кроме того, некоторые колхозы задерживают косьбу, и перзрелое зерно начинает сыпаться на корню.

г) Эшелоны людей, покидающих города, получают, как правило, на дорогу по 3 буханки хлеба и пуд муки. Многие в надежде на то, что на месте получат питание, оставляют для семей в городе часть или весь полученный провиант. После прибытия на место работы в первые дни все обязаны питаться полученными в городе запасами. Вследствие этого ряд людей голодает уже в самом начале. Кроме того, всем тем, кто не выполняет установленных норм работы, уменьшают нормы питания. Местное сельское население, когда прибывают эшелоны из города, падает на колени и молит приезжих о куске хлеба. При отъезде эшелона рабочих одного из киевских заводов на митинге руководитель выступил с речью, в которой, в частности, сказал: «мы знаем, что в деревне голод и ширится людоедство, однако вы сильные и закаленные рабочие, вы должны поднять дух в деревне».

Сельское население ворует колосья, печет их на противне и так целиком съедает. Оголодавшие крестьяне целыми сотнями

рвут свеклу, беря ее для пропитания и в то же время уничтожая свекольные плантации.

В общем следует признать, что сам урожай превзошел ожидания советских властей, и даже в такой степени их удивил, что жатва не была подготовлена в соответствующем масштабе, отсюда вытекают также все эти недочеты. В ближайших окрестностях Киева жатва началась как положено в очень немногих местностях; на полях видны отдельные жнецы с косами и серпами, целые куски хлебных полей еще нетронуты. Тракторов в поле почти совершенно не видно, всюду господствуют серп и коса. В Славутском районе в коллективах не сделана еще прополка картофеля, целые поля зарастают сорняками. В 3 коллективах села Цибулева, Монастырского района, до 20 чис. тек. мес. на 1200 га свекольных плантаций прорывка свеклы выполнена лишь на 300 гектарах. 70% плантаций грозит гибель. В Сквирском районе 3388 га свеклы заросло бурьяном, до сих пор не сделана прорывка. Если, однако, этот медленный темп жатвы будет продолжаться далее, она может протянуться до сентября мес. и повлечь за собой все дальнейшие последствия при осенних полевых работах. В настоящее время погода благоприятствует работе в поле. Пресса почти на каждом месте ежедневно призывает к исправлению ошибок, совершенных при подготовке и в первые дни жатвы. А сами советские власти, призывая к увеличению темпа сбора урожая, совершенно явно и открыто выражают свое неудовольствие по поводу медленного темпа работ.

1) Знаменательно, что лишь 21 числа тек. мес. в Киеве состоялся первый съезд «единоличников» Киевщины, на котором обсуждалась подготовка к жатве нынешнего года и поставка хлеба. Съезд собрал 511 делегатов. Заседания вел председатель Киевского облисполкома Василенко. На съезде было подано около 180 заявлений о принятии в колхозы, ряд делегатов Коростеньского и Чернобыльского районов заявили о своем вступлении. На съезде звучали призывы вступать в коллективы с целью совместного участия в осенних полевых работах. В Мархлевске и Мархлевском районе также состоялся подобный

съезд 18 чис. тек. мес. Представлено было 24 делегата из 35 сельских советов. Тема заседаний такая же. На съезде должно было быть подано 20 заявлений на вступление в колхоз.

2) Случаи людоедства по-прежнему повторяются; в эти дни в киевскую милицию привезены куски ног и рук, а также женских грудей как доказательства вины пойманных преступников. Оголодавших и умирающих людей, которых собирают на улицах, свозят в одну церковь на окраине Киева и держат там без присмотра и питания. Следующий этап у этих людей – кладбище.

*Оригинал, машинопись.
SAW, I.303.4.5424, к. 47-61.*

Документ 4
1933, октябрь, 10, Варшава. – Положение на Украине,
фрагмент из бюллетеня „Przegląd Informacyjny Polska
a Zagranicą“ («Информационного обозрения
Польша и заграница»), № 40.

II. СОВЕТСКАЯ РОССИЯ.

Положение на Украине.

По последним сведениям, поступающим из достоверных источников, можно считать, что ситуацией на Украине уже почти удалось [властям] овладеть.

Этому должны были способствовать два фактора: решительная и последовательная политика коммунистической партии, которая, не разбирая средств, смогла сломать пассивное сопротивление деревни и разрушить децентралистско-националистические настроения украинской интеллигенции, а также неожиданно успешные результаты урожая нынешнего года. Другое дело, какой ценой была достигнута эта победа – учитывая гибель по меньшей мере 5 000 000 человек и опустошение украинской деревни, жители которой массово бежали в города или другие союзные республики – так что

теперь уже говорится о необходимости колонизации некоторых территорий Украины населением других, менее урожайных частей СССР. В связи с этим на Украину в текущем году переселено 1200 еврейских семей, что вместе с более ранними переселениями составляет 6800 семей евреев-колонистов, которые в целом заняли 100 000 га пахотной земли, создав 120 новых колхозов и три национальных еврейских района (Калининдорфский, Сталиндорфский и Новозлатопольский).

Украина представляет собой сегодня организм выздоравливающего, который после долгой и тяжелой болезни должен еще долгое время собираться с силами и возвращаться к нормальной жизни. Украинские власти отдают себе в этом отчет и понимают, что победа еще не окончательная, поэтому по-прежнему продолжают прилагать усилия для укрепления и сохранения завоеванных позиций.

Прежде всего в области снабжения наступило незначительное улучшение, хотя трудности еще постоянно большие. Ситуацию осложняет отсутствие организации, многочисленные злоупотребления и транспортные трудности. Сбор урожая нынешнего года оказался, правда, исключительно удачным, чему способствовали в значительной мере атмосферные условия, но окончательные результаты этого урожая для государства, то есть количество зерна, фактически доставленного на элеваторы и государственные склады, можно будет определить лишь в январе. По официальным данным, Украина до 25 сентября выполнила на 78,1% план хлебозаготовок (в то время как в прошлом году к этому времени только на 31,8%).

Для повышения производительности и качества труда на железных дорогах созданы специальные железнодорожные политические отделы, во главе которых поставлены энергичные коммунисты, им доверены отдельные районы. Эти отделы имеют очень трудную задачу перед лицом общей дезорганизации, отсутствия дисциплины среди персонала, ужасного состояния железнодорожного парка, наконец, учитывая массовое воровство и грабежи, совершаемые оголодавшим насе-

лением. Однако благодаря беспощадным методам и суровым наказаниям политическим отделам удалось добиться определенного улучшения на железных дорогах Украины, и, например, выполнение дневного плана перевозок зерна, которое обычно составляло 70-72%, ныне возросло до 78%.

Проблеме улучшения железнодорожных перевозок коммунистические власти посвящают в настоящее время особенное внимание. Несмотря на это, подобных действий от случая к случаю не может, однако, хватить на долгое время. По сравнению со своими сельскохозяйственными и промышленными проблемами, Украина имеет слишком мало вагонов, состояние всего железнодорожного парка ужасающе, а ремонт проводится слишком медленно и небрежно. Это причиняет немало хлопот главным советским властям, которые отдают себе в этом положении отчет.

С настроениями в деревне тоже нелегко. Пассивное сопротивление крестьянина, правда, сломлено, но дальнейшее сохранение темпа полевых работ на надлежащем уровне требует больших усилий со стороны коммунистической партии.

Подобным образом выглядит положение в промышленности, где также необходим постоянный надзор и моральное и физическое давление со стороны партийных органов, без чего производительность труда и производство в отдельных отраслях не только бы не удержались на прежнем уровне, но напротив, быстро бы упали.

С политической точки зрения в положении на Украине следует прежде всего подчеркнуть рост власти Постышева, второго заместителя Сталина в Секретариате ЦК партии, который стал фактическим диктатором Украины.

ЦК КП(б)У принял 25 сентября постановление, в котором констатирует, что Комиссариат сельского хозяйства и областные сельскохозяйственные управления фактически не занимались работой по организации сельского хозяйства и не руководили ею, в связи с чем постановляется уволить ряд лиц с занимаемых прежде постов в Управлении организации сельского хозяйства украинского Нар. ком. сельского хозяйства.

Сельскохозяйственные академии в Харькове и Киеве закрыты, так как большинство профессоров уволено и многие из них арестованы за вредную антигосударственную деятельность.

Вышеупомянутые, как и по-прежнему продолжающиеся, аресты в других украинских учреждениях произведены в связи с акцией Постышева, последовательно стремящегося к полному уничтожению украинской интеллигенции, преданной националистическим идеям. Следует подчеркнуть, что среди арестованных находится много украинцев из Восточной Малопольши.

В этих условиях непрекращающегося и все более жестокого террора не может быть и речи о каких бы то ни было акциях или проявлениях национальных настроений украинской интеллигенции. Но среди партийных и государственных деятелей Украины, несмотря ни на что, по-прежнему чувствуется беспокойство и неуверенность в овладении настроениями широких слоев населения. Особенное раздражение у коммунистических украинских властей вызывает усилившаяся в последнее время антисоветская деятельность украинской эмиграции вообще, а в особенности политическая и газетная кампания УНДО в Польше⁹⁷. Этим также следует объяснять опасения советских властей на Украине по поводу любых контактов населения украинских земель, граничащих с Польшей, а также преследования и аресты, производимые среди этого населения в случае самого слабого обвинения в нелояльности.

Оригинал, размноженная машинопись.

AAN, Ambasada RP w Londynie, sygn. 1172, k. 383-385 (s. 1076-1078).

⁹⁷ Украинское национально-демократическое объединение (укр. Українське Національно-Демократичне Об'єднання), в 1925-1939 гг. крупнейшее и наиболее влиятельное легальное украинское объединение в Польше. Речь идет об акциях протеста, организованных диаспорой и украинскими организациями на территории II Республики, целью которых было обращение внимания международной общественности на голодную катастрофу на Украине.